

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

№ 4 (66)

АПРЕЛЬ

2013

Пизанская башня. Фото неизвестного автора.

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти **святого преподобного**
Серафима Саровского чудотворца

Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенно вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Дорогие друзья!

Если вы готовы помочь нашему изданию регулярно выходить в свет, развиваться и радовать почитателей изящной словесности качественной литературой, если желаете одарённым литераторам найти своего читателя – в ваших силах совершить перевод любой приемлемой для вас суммы на счет «Литературного меридиана».

Номер нашего счета в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Апрель 2013 года

№ 4 (66)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

А.К. КАПИТАН, *г. Владивосток.*

Э.В. КОЧЕТКОВА, *г. Владивосток.*

Е.А. КУДРЯВЦЕВ, *г. Владивосток.*

В.Г. СЕРКОВ, *г. Сочи,*

А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, *г. Москва.*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, *г. Хабаровск.*

В.В. БОГДАНОВ, *г. Омск.*

Н.А. ЗИНОВЬЕВ, *г. Кореновск.*

Ю.Н. КАБАНКОВ, *г. Владивосток.*

В.Я. КУРБАТОВ, *г. Псков.*

Р.П. ЛЯШЕВА, *г. Москва.*

Г.В. НАЗИМОВ, *Калифорния, США.*

В.В. ПРОТАСОВ, *г. Владивосток.*

В.М. ТЫЦКИХ, *г. Владивосток.*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

И.В. КОНЧАТНЫЙ, *г. Арсеньев.*

В.Г. ХРАМЦОВ, *г. Арсеньев.*

И.И. ШЕПЕТА, *г. Владивосток.*

Арсеньев
2013

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Уроки сердцеведения «Отметки на дверном косяке». Валентин КУРБАТОВ	3
Критические заметки «Не скоро сказка сказывается». Олег КОПЫТОВ	5
Разрешите представить Джон КУДРЯВЦЕВ.	7
Итоги конкурса «Былина»	7
Проза «Разлад». Тамара ЛЬВОВА	7
Поэзия «Мы ждали снега». Сергей ПАГЫН	8
Событие «Но если сердцем пишутся слова». Маргарита ОТРОЩЕНКО	10
Поэзия «Мои попутные песни». Владимир МОНАХОВ	12
Уроки жизни «Холодно-тепло-горячо-жарко». Владимир ТЫЦКИХ	14
Горечь утраты «Огонь, вода и медные трубы Игоря ЦАРЕВА». Иван ШЕПЕТА	17
Поэзия «На тонком пульсе нитевидном». Игорь ЦАРЕВ	18
Свет памяти «Мы – его память». Владимир ДОВЖЕНКО	20
Поэзия «Не жалеть забытых дат». Вера ГУНДАРЕВА	22
Читательские отклики.	24
Читательские отклики «Мой мартовский номер "Литературного меридиана"». Настя КАПУСТИНА	25
Дни славянской письменности «Моряк с озера Ханка». Владимир ГАМАНОВ	26
Уголок пародиста Геннадий ПЕТЕЛИН.	28
Отчизны верные сыны «К 400-летию Дома Романовых». Эльвира КОЧЕТКОВА	29
Сказочный мир «Перышко». Евгений ВАЛЬС.	30
На просторах Интернета «Сирийские боевики в ужасе от наших танков»	31

Отметки на дверном косяке

Валентин КУРБАТОВ

г. Псков.

Валентин Яковлевич родился в г. Салават Ульяновской области. Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК). Автор многих книг о проблемах и судьбах русской литературы, в том числе о жизни и творчестве Виктора Астафьева, Михаила Пришвина, Валентина Распутина, Семёна Гейченко и др. Член правления Союза писателей России, член редколлегии и редсоветов таких изданий, как «Литературная учёба», «Москва», «День и ночь», «Роман-газета», член Общественного совета «Литературного меридиана». Автор и ведущий телевизионных фильмов о путях Православия и отечественной культуры.

«Не надо заводить архивов, над рукописями трястись», – уверял Пастернак. Для честолюбия-то, может, и не надо, а вот для того, чтобы видеть свою судьбу в истории и взаимное отражение этих судьбы и истории в человеке, ничего лучше архивов нет. Как карандашные отметки на дверном косяке, они со строгой улыбкой отмечают наш рост. Беда только, что, вырастая, мы или оставляем дом вместе с отметками, выбирая «пластиковые двери нового поколения», или, стесняясь домашней истории, стёсываем эти воспоминания, чтобы не конфузиться перед общественным мнением своей доверчиво открытой частной жизнью.

Кто из нас, бывало, не ловил себя на предательстве своего мнения перед наступательной силой общего. Как-то ведь оно сложилось, это понятие – «подавляющее большинство». Кого и что подавляющее? А вот как раз твоё бедное личное мнение, зарубки твоего роста, чтобы ты сразу стал одного роста со всеми.

А задумался я об этом, когда получил из родного уральского Чусового копии заметок, статей и очерков Виктора Петровича Астафьева (мы были в 50-е годы чусовскими земляками) из газеты «Чусовской рабочий», где Виктор Петрович в эти 50-е годы работал. Я заглядывал в эти заметки в начале перестройки, когда готовил предисловие ко второму собранию астафьевских сочинений в «Молодой гвардии» да уж с той поры позабыл. Да и читал тогда, ещё не предчувствуя, куда пойдёт страна и наше общее миропонимание. И вот сейчас каждая строка казалась незнакомой, и мысль пошла в неожиданную сторону и выправлять её не захотелось.

Проще всего было бы по нынешней сатирической в отношении прошлого моде поиронизировать, что вот и Виктор Петрович, которого мы знали по публицистике последних лет непримиримым противником советской власти и всего связанного с нею, оказывается, в 50-е годы тоже «дудел в общую дуду». Тут хоть всё подряд выписывай:

«Такому народу, как койвинцы, всё по плечу. Недаром этот дружный спянный коллектив обогнал в соревновании двух соседей...»

«Борьба с начётничеством и формализмом в партийном просвещении – это борьба за действенность партийной пропаганды...»

«Мать всплакнула и всё пыталась высказать кому-нибудь из работников санатория благодарность за сына. Володя взволновано сказал ей: «Партию надо благодарить, мама. Она нас из могилы вытаскивает. Как только поднимусь, а я обязательно поднимусь, всю свою жизнь отдам нашим людям и партии...»

И названия статей все под стать: «Победы не приходят сразу», «Глубокие пласты», «В дороге дальнюю», «Больше боевитости»...

Как не посмеяться? Только доблести в такой иронии будет немного. Потому что за его плечами к той поре, как он писал это, будет уже и рассказ «Гражданский человек» такой человеческой отваги, что партийное начальство даже остановит его публикации. И позднее, когда он уже станет сотрудником газеты, в том же «Чусовском рабочем» читателей будут останавливать его невеселые фельетоны о человеческой глупости и резкое неприятие лжи. И можно и по этим публикациям увидеть, как в соседстве с «боевитостью» растёт его душа и прямится зрение.

А мысль-то моя про другое. Не хочется мне после этих, даже и совсем нынче смешных заметок, разделять его стыд, когда он пишет в последние

годы одному из своих пермских друзей: «В газете "Чусовской рабочий", оскверняя родное слово, я прославлял любимых вождей и неутомимых советских тружеников...». Он бы действительно «осквернял родное слово», если бы сознательно лгал – писал одно, а думал другое, если бы уже тогда видел то, что увидел позднее, в пору, когда «беззаконие и закон разорвали дамбу, воссоединились и хлынули единой волной на ошеломленных людей». А только в том-то и дело, что зрение у него в тот час было другое, – общее было зрение. И совесть его была чиста. И газета была не последняя, и в другом письме он гордился, что они умели тогда сказать много живого и искреннего и дивился, как чусовскому редактору Пепеляеву хватало ума «вывертываться из чужого».

Рассердится он потом и наговорит много такого, что и близкие ему люди каменно замолчат. Дослушай-ка до конца то, что я однажды слышал, когда Алтайское телевидение снимало передачу о нем, и я подумал, что ослышался, что мало ли что срыва скажешь, когда разозлят. А теперь вот по его письму той поры А.Ф. Гремичкой вижу, что нет, не срыва и не в запале он сказал, а раньше подумал: «Повторись война, я нынче ни за что не пошел бы на фронт, чтобы спасти фашизм, только назад красной пуговкой...» Вот как – воевать в Отечественную, значит, «спасти фашизм»! Не с того ли и разгорелся потом такой желанный врагам России и так жарко ими поддержанный разговор о «русском фашизме». И можно было бы раскричаться и обвинить его Бог знает в чем, если бы я не видел, какой ценой он заплатил за этот «срыв» – живого места не теле не было после несчетных ранений, с которыми он прошел эту войну в орденах и медалях. А вот поди ты! Значит, слух наш еще не готов, чтобы услышать все стороны правды, но значит это еще и то, что и нам не надо торопиться сдавать и нашу сторону правды.

Или в другом месте каково слышать о наших отцах в тех же пятидесятых-шестидесятых годах, о которых он так «красиво» писал в «Чусовском рабочем», что при позднем размышлении ему открылось, что «работали плохо, получали мало, жили одним днем, при всеобщем образовании, в том числе и высшем, остались полуграмотной страной. Зато много спали, пили беспробудно, воровали безоглядно. И этому в полусне пребывающему, ко всему, кроме выпивки, безразличному народу, предложили строить демократическое государство...» Это тогда-то «воровали безоглядно»? Это тогда были ко всему безразличны? Не доглядел Виктор Петрович мира до сегодняшних дней – до настоящего безразличия и до настоящего воровства – Бог его берег.

Это я не задним числом так храбр, что вот корю Виктора Петровича. Я и тогда писал ему о своих сомнениях, и мы тяжело расходились. Да не я один. Теперь по книге его писем «Нет мне ответа» вижу, что и Игорь Дедков писал и, вероятно, и тот пермский корреспондент, которому он писал об «осквернении родного языка» в «Чусовском рабочем», потому что, продолжая письмо, Виктор Петрович говорит: «А ты говоришь – злой! От страдания злой, от жизни окружающей, а притворяться не умею и не хочу. Каков есть, вернее, каким

стал, таким прошу и жаловать, а любить у нас никто никого не любит».

Очень тут важно – «каким стал», потому что подлинно прежде не был и, пока писал, героев своих любил и именно так, как писал, о них и думал.

И вот дальше там в письме и сказалось то, что побудило меня к этой заметке. Он вспоминает свой первый написанный в Перми роман «Тают снега» и говорит, словно извиняясь за него: «я тогда был сентиментальный, добрый и веселый человек, но это от неразвитости, от всеобщей слепоты и глухоты».

Вот как – «от неразвитости сентиментален, весел и добр»! А как, значит, разовьется, то станет зол и мрачен. И мы знали в нем эти минуты, слышали ожесточенное, забывающее свет сердце во второй части «Последнего поклона», в «Печальном детективе», в «Людочке», в «Проклятых и убитых». Но знали и то, что, как великий художник, он чувствовал разрушительность зла и сам не любил эти страницы, сердито защищая их, как защищают некрасивых детей. Не любил в себе эту, как он писал, «переродившуюся с возрастом из детдомовского юмора, к сожалению, злую иронию», потому что опыт лучшей литературы, в том числе и его собственный опыт, научил его, что «что-то путнее создать на земле возможно только с добром в сердце, ибо зло разрушительно и бесплодно».

И вот, перебирая сейчас потемневшие заметки «Чусовского рабочего» с его подписью, я думаю, какой ценой дается нам взросление мысли. Как мы по-русски раскидисто корим себя за то, в чем не были виноваты, как не бывают виноваты доверчивые дети, верящие в правоту взрослого мира. А это был только нормальный рост, зарубка на косяке и там, в той сентиментальности, веселье и доброте, он выиграл войну, а не «защитил фашизм назад красной пуговкой», сложил высокое сердце, благодаря которому стал тем писателем, который вырастил и наше сердце. Значит, и там были не одни «слепота и глухота», «неразвитость» и «осквернение языка», а и свет жизни, побеждающий неправду. И его «койвинцы», рвущиеся на целину девушки и верящие в партию юноши его очерков и чусовских рассказов, были так же естественны, как жулики, бездельники и лжецы его фельетонов – были растущей, прямящейся, преодолевающей себя жизнью. Когда-то В.Б. Шкловский замечательно говорил, приглядываясь к технологии добычи золота, что надо сто пудов породы, чтобы намыть два золотника: «Время нас моет. В нас самих сто пудов чепухи, ошибок, быта, ссор, непонимания друг друга. Все это дым, но два драгоценных золотника надо сохранить в себе. Право времени нас просеивать и делать из нас одно слово в своей песне». Скажем от себя, что и наше право просеивать время и не проклинать «породу», без которой не будет ни двух золотников, ни одной песни.

Дверные косяки не надо ломать с перестройками и менять с евроремонтом рыночных реформ, а надо только видеть, как поднимаются отметки и не останавливаться и не ожесточать сердца, потому что добро созидательно, а зло разрушительно и бесплодно не только в творчестве, а и в самой жизни.

Не скоро сказка сказывается

(рассуждения о юбилейном номере «Литературного меридиана» – № 1(63), январь 2013)

Олег КОПЫТОВ

г. Хабаровск.

Олег Николаевич филолог,
писатель, литературный
критик. Окончил МГУ
им. М.В. Ломоносова.
Кандидат филологических
наук. Автор нескольких книг
литературной критики
и прозы.

В полном соответствии с императивом Марины Цветаевой критикам: либо поощрять хорошее, либо отсекают посредственное, а остальное от лукавого («Поэт о критике», данное изд., с. 121-132) – скажу сразу и прямо: номер «Литературного меридиана», коим он отметил своё пятилетие, стоит читать, он хорош. Сам я провел за ним несколько приятных вечеров и, как говорится, всем советую. Конечно, какие-то особенности именно этого номера стоит разобрать, какие-то особо отметить, а какие-то и признать странными.

Итак, начнем.

Нельзя не отметить объем и полиграфию. Это уже не обычный для регулярных выпусков тонкий журнал в 32 страницы А4, а полновесная книжка в 164 страницы плюс 4 страницы иллюстраций, на хорошей бумаге, с высокой печатью.

Но главное не форма, а содержание. А оно в юбилейном номере «ЛМ» и весьма разнообразно, и полезно вельми. Особенно не очень опытному или не сверхначитанному литератору или любителю словесности, на коих, надо полагать, как и в первый год своего существования, и нацелен «Литературный меридиан». Подчеркнуто в юбилейном номере и свое кредо. Любовь к России, Православие, гуманистические ценности. Это видно уже из названий рубрик юбилейного номера: «Отечество», «Неопалимая купина», «Птица Феникс», «Уроки сердцеведения»... Есть, конечно, «Поэзия» и «Проза» и другие – всего рубрик числом 11, что не меньше, чем у гордящегося своим рубричным разнообразием «Дальнего Востока», к примеру.

Первая же рубрика – «Отечество». Она открывается статьей одного из главных и лучших публицистов России эпохи перестройки и более ранних – Вадима Кожинова «Несколько соображений о грядущем пути России». Статья написана в 2000-м, за год до смерти Вадима Валериановича, но звучит свежо и актуально, как и любая честная и талантливая статья о России (стоит задуматься: почему). А тем, кто не очень хорошо знаком с произведениями Вадима Кожинова, возможно, после прочтения этой статьи захочется прочесть и книги – «Историю Руси», «Победы и беды России», высочайше оцененную в отечестве и за его рубежами книгу о Тютчеве, и другие. Главная мысль Кожинова: «Россия претерпела много, но возрождалась всегда, хоть и разными путями и на разной основе», – наверное, неоспорима.

А вот статья одного из наиболее продвинутых монархологов последнего времени Вячеслава Моцардо – «Право на царский престол» с отрицанием этого права у Кирилловичей, потомков князя Кирилла Владимировича, и присутствием сего права у отпрысков ветви Королевы Эллинов Ольги Константиновны, старшей дочери второго сына Николая Первого, покажется несколько экзотической в сегодняшних реалиях (нам сейчас явно не до проблем возрождения в России монархии), но с исторической, юридической и, скажем так, с морально-родословной точки зрения статья весьма любопытна, и читаются эти заметки на едином дыхании, поскольку и написаны ясным слогом (только чуть-чуть припудренным пафосом) и с детективной подложкой даже.

Здесь же статья Ивана Ильина «О России. Три речи», написанная в изгнании после революции. Стоит процитировать редакторов издательства

«Русский архив», которые выпустили в 1995-м целиком статьи Ивана Александровича Ильина, написанные им с 1948 по 1954 гг. в виде бюллетеней «Наши задачи», которые «...несмотря на прошедшие 50 лет не только не утратили своей актуальности, но, как хорошее вино, улучшающееся с течением времени, стали ещё более понятны и ЗНАЧИМЫ на фоне происходящего (и предсказанного И. А. Ильиным) в Российской Федерации... «демократического геноцида» русского народа», – лишь добавив, что с определением «демократический геноцид» согласятся не все, но то, что в России, да и в «развитом мире» сегодня «какая-то не такая», странная демократия, наверное, согласятся многие.

Но вот смотрите, мы назвали уже четыре имени, трое из их носящих, уже умерли, и ни один из четверых не имеет отношения к крайнему востоку России, где «Литмеридиан» вот уж пять лет издается. В целом в юбилейной книжке 24 автора, и только 8 из них – дальневосточники. Может быть, и не стоило на это обращать внимания, если бы не сами собой складывающиеся законы и закономерности сегодняшнего литературного процесса. Слишком огромна сегодня разница между Москвой и провинцией (см. например, мою статью «Россия. Далеко от Москвы»: «Сихотэ-Алинь», 2009. – С. 170 – 185, кстати, высоко оцененную москвичкой Русланой Петровной Ляшевой, одним из авторов реферируемого номера «ЛМ»). Космически огромно сегодня расстояние между классиками и современниками. Нельзя не учитывать и первого и второго в современном литературном процессе, который в большей своей части складывается из звонко летящей в пространстве (а потом уже во времени) цепи «толстых» (и не очень) столичных и «из глубинки» (в прямом и в глубинном смысле) журналов и газет. Дисбаланс между первым вышеуказанным слоем и вторым в юбилейном номере «Литературного меридиана», конечно, присутствует, ровно в пропорции «3 к 1»: при всей тяге к высокому качеству, которое, разумеется, лучше обеспечивают классики и столичные жители, в последующие юбилеи, может быть, пропорция сложится хотя бы в классическом виде «50 на 50».

Из материалов восьми авторов – ныне здравствующих дальневосточников – мое внимание особо привлекли эпистолы Юрия Николаевича Кабанкова – поэта и богослова. Здесь он выступил в качестве человека, опубликовавшего свою частную переписку последних лет. Но сделал он это как всегда с большим тактом и чувством меры, тщательно саморедактируя переписку, во-первых (все его адресаты, несмотря на то, что ничего криминального о них не говорится, сокращены до инициалов имен, хотя, ваш покорный слуга, например, все эти О.К. и С.М. расшифровал). А во-вторых и в главных, замечательна даже не попытка возродить погибающий эпистолярный жанр, даже не тонкий, ироничный, живой слог эпистол, а замечательно их глубокое содержание: читаешь и посещает чувство, что разговариваешь с умным и деликатным собеседником, что по сегодняшнему дню ох как ценно само по себе.

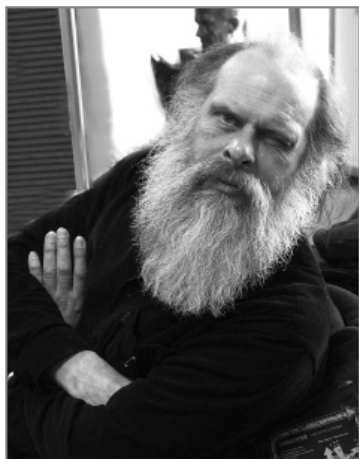
Ум, доза иронии, деликатность, музыкальный ритм, прозрачность и живое слово отличают и подборку стихов Геннадия Богданова. Огорчает лишь то, что автор всё ещё не подарил экземпляр своей последней книжки автору этого отзыва (шучу!), а если серьезно, то при всех, честное слово, высоких достоинствах стихов, как «вещи в себе», кажется, некоторые из них уже в «ЛМ» публиковались.

Не станем всё же заикливаться на географии проживания авторов и обязательно скажем о двух рассказах главреда литературного веб-журнала «Молоко» Лидии Сычёвой (если уж на то пошло – бывавшей и в Приморье, и в Приамурье с дружескими визитами). Любителю «нового сладостного стиля» её прозаический слог покажется пресным с первых абзацев, но пусть он не торопится, его с лихвой окупит глубина психологической, – да, женской, но тонкой и глубокой, прозы: о жизни и о смерти, которым суждено идти рука об руку, и о любви, точнее, о мужчине и женщине, которым суждено идти рука об руку (из двух представленных рассказов, пожалуй, лучший первый – «Невеста»). А вот проза другого москвича, с более длинным послужным в литературе списком – Александра Трапезникова, разочаровала. Юмор и ирония здесь поверхностны, сюжеты высосаны из пальца, да что там, иногда падежи нанизанных на шампур субстантива многочисленных адъективов просто не связаны («...проживал на улице Обуха, названной так в память о старом большевике-докторе, заведовавшего (надо – заведовавшем». – О.К.) отделением здравоохранения Моссовета»). Да и вот еще что. Горький как-то прочитал рукопись молодого автора и сказал ему: «Рассказы ваши хороши, только «вшей» в них многовато». Причастий на «-вше-» и «-вши-» в представленных в юбилейный номер рассказах отнюдь не начинающего Александра Трапезникова действительно многовато, но с такой плодовитостью, как у Александра Анатольевича, подобные огрехи, по-видимому, неизбежны.

Вернемся к первым десяткам страниц и на 17-й обязательно начнем читать статью «Свидетель обвинения» Валентина Яковлевича Курбатова, пожалуй, самого известного и залуженного из сегодняшних литераторов, проживающих в провинции, автора многих книг о судьбах России и о творчестве лучших ее писателей.

Статья начинается фразой: «Есть книги, на которые нельзя написать рецензию, как нельзя написать её на жизнь. Их можно только прожить». Далее упоминаются «Капитанская дочка», «Отец Горио», «Оливер Твист», «Братья Карамазовы»... Сверхнаивно, глупо и смешно было бы окончить эти заметки словами: «Дай Бог, чтобы какой-то последующий юбилейный номер «ЛМ» стал такой книгой», – но можно пожелать, чтобы в последующем «Литературный меридиан» на такие книги равнялся. Нет сомнения, что равняется и сейчас, только в будущем, Бог даст, пусть «даль свободного романа» будет всё более различима.

Эх, не скоро сказка сказывается...

Джон КУДРЯВЦЕВ (Евгений Александрович Кудрявцев). Родился в 1955 г. в Свердловской области. Окончил Свердловское художественное училище и частную студию Бориса Витомского. Служил на Тихоокеанском флоте. Работал художником-постановщиком на Приморском телевидении, сценографом в народном театре музыкальной комедии, в краевой газете «Красное знамя» вёл рубрику политических карикатур. Оформил более ста книг

в Дальневосточном книжном издательстве и в Издательской программе «Народная книга» Владимира Тыцких, где является шеф-художником. Постоянный участник городских, краевых и международных выставок, в том числе Международной биеннале графики «Белые ночи» в Санкт-Петербурге. Автор восьми персональных выставок, в том числе: «Земля снов» в галерее «Артэтаж», «Неизвестная жизнь», «Привет», «Возмущённое пространство» в галерее современного искусства «Арка» (Владивосток) и др. Работы хранятся в Приморской государственной картинной галерее, музее современного искусства «Артэтаж – ДВФУ», галерее современного искусства «Арка», Приморском государственном объединённом музее им. В.К. Арсеньева (Владивосток), галерее современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре), Государственном художественном музее г. Ханты-Мансийска, в частных собраниях в России, США, Канаде, Японии, Австралии, Германии и др. Свободный художник с 1982 г. Член Союза художников России. Живёт во Владивостоке.

Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток.

Дорогие друзья, сегодня мы подводим итоги конкурса детского рисунка «Былина», проводившегося нашим ежемесячником в прошлом году.

1 место. «Илья Муромец и соловей-разбойник». **СВИСТЮК Мелания**, 10 лет, МБОУ ДОД «ЦРТДЮ «Надежда» Первореченского района г. Владивостока.

Педагог – *Галина Геннадиевна Толстых.*

2 место. «Алёша Попович спасает мир от Змея». **НЕЧАЕВА Татьяна**, 7 лет, с. Чугуевка, шк. им. А.А. Фадеева.

3 место. «Воин с конем». **АБДИЛАМИТОВ Ихматилло**, 10 лет, МБОУ «Средняя школа №38 г. Владивостока».

Классный руководитель – *Светлана Георгиевна Чернышёва.*

4 место. «Добрыня и Змей». **МАЛЮТИНА Виктория**, 10 лет, МКОУ СОШ № 4 с. Кокшаровка.

Победители конкурса награждаются грамотами и книгами российских писателей. Участники конкурса поощряются благодарственными письмами.

Жюри конкурса.

Проза

Тамара ЛЬВОВА,
г. Омск.

Разлад

Я все время вижу Драгоценную Музу во сне. И это подрывает и без того надломленные мысли.

Я что-то не поняла, ушла и замолчала, а она думает обо мне и пытается достучаться. Если бы не думала, то не снилась.

Во сне Муза идет к своей любимой и изнуряющей сцене, и взглядом ищет меня. А я отворачиваюсь, горблюсь, сжимаюсь в комок и плачу, плачу...

Если бы она знала, что это я отворачиваюсь, она бы обязательно подошла и повернула к себе, и обняла, и зашептала бы срывающимся горячим шепотом:

– Девочка моя, глупая, не отворачивайся, ты нужна мне.

Она бы это сказала, я знаю, я чувствую ее мысли. Но Муза проходит мимо, и, сожалея, поднимается на сцену.

Но если бы она знала... – ведь из всех в толпе, только я и отворачиваюсь. Горблюсь, сжимаюсь в комочек и плачу, плачу...

Глухую ночь разрывают рыдания. Сатир пытается меня разбудить, прижимает к себе и старается успокоить, по-своему. Его руки стягивают тело и не дают биться в судороге боли.

– Дура! Ну какая же ты дура! – зло бормочет он и я просыпаюсь.

– Господи! Он нужен мне, нужен, почему все так? – но слезы уже легче и тише.

До дна опустошившись, я успокаиваюсь, и Сатир укладывает меня в постель. На моих запястьях набухают синяки. Сатир в своей хватке безжалостен, но может быть, только это помогает мне не кричать в ночь.

Руки болят, я долго не смогу писать.

Медленно тая в белой ночи севера, Сатир зло напоминает:

– У тебя есть печатная машинка!

Мы ждали снега

Сергей ПАГЫН

г. Единцы, Молдавия.

В стареющем небе все больше земли,
на ней в тишине и дремоте
у кромки заката стоят журавли,
не помня о скором отлёте.

А те, кто хлебнул ледящей тоски,
чьи в хламе пылятся ботинки,
летят – беспечальны, чисты и легки –
в лазури родного суглинка.

«А рубаху мне ты не ту надел...» –
говорит ему покойный отец.
Дом во сне его невозможно бел,
на столе разложен чабрец –

на газете старой, и пахнет им
так, что сыну впору глотать слезу.
И стоит в передней пастуший дым,
тишину держа на весу.

А потом – темнеет, и дверь скрипит,
и отцовы меркнут во тьме слова...
Лишь в углу у шкафа горит... болит
белизна холщового рукава.

А ведь так хотел невесомо жить –
над бедой скользить, над водой кружить,
и лететь над мглистым родным двором
золотистой стружкой, белым сном,
братом быть и музыки, и огня,
что горит в печи на исходе дня...
Только все острее и тверже страх,
тяжелее воздух в студеном снах,
где на мерзлой ряби ночной воды
все ясней, светлее мои следы.

И захочешь осени пустоты,
чтоб душе – прохладно, светло, просторно,
чтобы листья падали с высоты
и потёртый ворот касался горла.

Чтоб картошку позднюю собирать,
сердцевину знобкую ощущая
тишины,
в которой отец и мать
вносят старый улей во тьму сарая.

Каждодневное мужество жить –
сигарету искать по сусекам,
дымоход почерневший чинить,
пить вино с овдовевшим соседом,

видеть гулкие горькие сны,
плакать в них, ощущая потерю,
утеплять в ожиданье зимы
пересохшие окна и двери,

всё латать прохудившийся быт,
где, дымя ввысь трубой обветшалой,
трёхоконное время стоит
над провалом...

Сны и память входят в осенний быт,
где дым, фасоль, виноград...
И тот, кто напрочь тобой забыт,
идет вдоль кривых оград,

тебе улыбаясь издали
и тая среди теней.
И ты замечаешь, что облака
все тоньше и все светлей.

Сергей ПАГЫН – поэт, автор стихотворных сборников «Обретения», «Прогулка в ноябре», «Сверчок в радиоприемнике», «Перед снегом». Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Живет в городе Единцы.

Стихи публиковались в молдавских изданиях, в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Кстати» (Сан-Франциско), в приложении «Литературной газеты» «Евразийская муза», в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Дети Ра», «Северная Аврора», «Литературный меридиан», в сетевых литературных журналах, в антологиях «Современное русское зарубежье» (Москва), «Поэзия третьего тысячелетия» (Берлин), в «Антологии Григорьевской премии» (Санкт-Петербург). Финалист и дипломант международного конкурса имени Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2010 г.), лауреат премии «Молодой Петербург» (2011 г.), победитель международного конкурса «Эмигрантская лира-2013» (Бельгия) в номинации «Неоставленная страна».

И жизнь истончается, словно ткань
висящих в свету рубах.
И если ты встанешь в слепую рань,
невнятный почувешь страх,

шагнешь с порога – и пустота...

И лишь стародавний снег
перстом тебе охладит уста,
коснется горячих век.

* * *

Есть луковка и талая вода,
вино в кувшине и пригоршня снега,
есть хлеб и соль, и кружка, и звезда
для грустного ночного человека,

есть все, чтоб тихо жить и умирать.
Пройдя крещение в светоносном слове,
моим вещам по силам просить
и быть со мной во мраке и безмолвье,

и быть со мной повсюду и везде...
Хотя они теперь живут иначе –
дано быть зрячей гаснущей звезде,
а луковице – певчей и прозрачной.

Разговор

«Тяжко мне, и воды мои мутны,
яблоки водянисты в моих корзинах,
старый друг приходит из тишины,
руку жмёт – и веет холодной глиной».

А она в ответ: «Мне во сне вчера
ласточки всё виделись на закате –
он был розов, будто сосны кора,
или как моё, если помнишь, платье...»

Знаешь, и было мне так легко!
Птицы проносились под облаками,
тёплыми, как бабушкино молоко.
Птицы с обжигающими глазами!

Всё летали рядом, касались лба...
Было много ветра и много света...».
И в пару дыхания все слова
обретали вес и объём предмета,

и, светясь, позванивали в тишине.
И тогда я чувствовал, что едины
ласточки, пролетающие во сне,
паданцы золотистые из корзины.

* * *

В конце всех концов ты сидишь на пороге
и смотришь в пустой огород.
Не зная осенней тоски и тревоги,
там ярко капуста цветет.

Летают над нею последние пчелы,
наверно, для них это – сад,

сияющий, влажный...

И в воздухе голом
они все гудят и гудят.

Ботвою хрустя, подойдешь ты
поближе

и скудную сладость вдохнешь,
стараясь запомнить и тучи,

и крыши,
и веток ореховых дрожь,

и этих соцветий живое свеченье...

И к ним сотворишь ты потом
в пределах посмертных и воздух, и тени,
и бледный родительский дом.

* * *

Мы ждали снега, а его все нет.
Вокруг такой непроходимый свет,
что белого за ним не видно света:
деревьев, огородов и домов,
над крышами изогнутых дымов,
собак в листе,
которым снится лето.

И нет мне утешения ни в чем!
И, раздвигая медленно плечом
хрустящее сиянье сухостоя,
я все пытаюсь разглядеть за ним
печальный сумрак
с кругом золотым
домашней лампы и лицо родное.

И плачет тонкокожая душа,
оберткою конфетною шурша –
из детства – с незабвенным Гулливером.
И хочет беспризорная она
не знания, где свет и тишина,
а бестолковой жалостливой веры.

* * *

Нашепчешь – накличешь такое,
что даже не снилось тебе –
ночное, немое, большое
в твоей маломерной судьбе.

И слово пустивши без страха
по ветру в ночи, по реке,
молчанию, пеплу и праху
ты вновь присягаешь в тоске.

И сбудется все, что накликал:
безвременный снег за окном,
дымящая печка, бутылка
с постылым сиротским вином

и рыжая псина хромая,
и тот, кто невидим и тих,
из глины лазурь выжимает
для слёз помутневших твоих.

Но если сердцем пишутся слова...

Маргарита ОТРОЩЕНКО

г. Арсеньев.

*Не каждому отпущено творить,
Не каждый может
раствориться в слове,
Но каждый человек
В своей основе
Рожден творцом,
Творцом ему и быть.
А мы порой о человеке судим
Категорично:
Быть или не быть.
Не важно кто –
поэт или прозаик,*

*Но если сердцем пишутся слова,
И в каждом слове музыка играет,
И мысли суть
Доступна и легка...
Когда ты вдруг
Во времени жестоком
Людей одаришь
Теплым, светлым днем,
Тогда пиши,
Владей пером и словом,
Чтоб жизнь кипела
В творчестве твоём.*

Эти строки стихов арсеньевского поэта Николая Юданова, посвященные врачу по профессии, писателю по призванию Сергею Егоровичу Назаренко воистину стали пророческими.

21 марта в читальном зале Центральной городской библиотеки состоялась презентация новой книги Сергея Назаренко «Врачи Арсеньева». К слову сказать, ровно 10 лет назад, в марте 2003 года, в этом же зале, на суд читателей уже был представлен сборник очерков «Свет далеких звезд», посвященный первый врачам города Арсеньева. Людям, внесшим огромный вклад в местное здравоохранение, был установлен своего рода памятник, на страницах которого увековечены имена врачей Константина Александровича Шабловского, Екатерины Владимировны Аникиной, Петра Гавриловича Степанчука, Владимира Федоровича Кашпуры, Марии Степановны Голубь и многих, многих других. Читатели с восторгом приняли книгу. Дебютная книга автора, написанная в соавторстве с журналистом Людмилой Калашник, стала исторической ценностью для Арсеньева и его жителей. Просто, основательно, точно описал автор становление здравоохранения в городе, рассказал о тех врачах, кого с большой благодарностью вспоминают жители города.

Вторая книга С. Назаренко «Врачи Арсеньева» является продолжением серии «История здравоохранения в лицах». Тираж небольшой, но труд, проделанный Сергеем Егоровичем, огромен и ценен.

В литературную жизнь города Арсеньева С.Е. Назаренко вошел неожиданно и основательно. С 2003 года он много и плодотворно работает в жанре художественной прозы, выпускает несколько персональных сборников на разные темы. Но главной, ведущей темой его творчества остается медицина, а прообразами литературных героев стали люди, которые живут и работают среди нас. Это, наверное, потому, что сидит в нем «эдакое чеховское» наставление – «писать должен о том, что сам видишь».

Книга «Врачи Арсеньева» является десятой, можно сказать, юбилейной. И в этом юбилейном издании представлены очерки о врачах, чьи имена хорошо известны арсеньевцам, собрано много фотографий разных лет из личных собраний врачей, их родственников.

На презентации, организованной сотрудниками ЦГБ (ведущая – Маргарита Отрощенко) присутствовало много известных людей – это, в первую очередь, арсеньевские врачи, чьи имена красной нитью вписаны в историю городского здравоохранения, Почетные граждане города Арсеньева,

творческая интеллигенция, педагоги, предприниматели, представители администрации и городской Думы. Поздравить Сергея Егоровича приехал и известный в Приморском крае писатель, заслуженный работник культуры, лауреат более десятка литературных премий Владимир Тыцких. Кроме поздравления, Владимир Михайлович подарил автору и библиотеке несколько своих книг, журналов, редактором которых он является.

Слово – О.Ф. Шевченко

Выступает А.И. Покрашенко

На переднем плане – К.Ф. Кресс

Сергей Егорович принимал поздравления и от коллег – со словами благодарности и истинного восхищения за изданную книгу, пришли на презентацию главный врач Арсеньевской городской больницы Л.Г. Аплюшкина, заведующая поликлиникой, депутат городской Думы Г.И. Костина, заведующая терапевтическим отделением поликлиники Л.В. Хрусталева.

Клавдия Федоровна Кресс, директор музея истории города, отметила, что «такие книги как "Врачи Арсеньева", очень нужны нам, жителям. Ведь пройдет время и не останется в живых свидетелей событий, но останутся книги, и потомки будут благодарны за память на книжных страницах...».

Писателю всегда важно мнение читателей. Читая книги Назаренко, кто-то разделяет взгляды автора, кто-то нет, но тех и других объединяет одно: они – читают, и произведения Сергея Егоровича не оставляют их равнодушными. Почитатели творчества автора, многие из них его давние друзья, не остались в стороне и на презентации поблагодарили Сергея Егоровича за то, что он делает для арсеньевцев. В зале можно было увидеть учителя высшей категории школы № 5 А.И. Покрашенко, поэта-эссеиста, Почетного гражданина г. Арсеньева А.С. Карваева, Г.И. Сурица, депутата первого и второго созывов, известную вокалистку Ирину Король, которая исполнила для гостей замечательные романсы. Учащиеся музыкальной школы под руководством педагога Владислава Полтавцева подарили всем присутствующим музыкальные номера.

Хочется отметить, что благодаря художнику Андрею Кислову, который иллюстрировал почти все произведения Сергея Назаренко, в зале была оформлена выставка рисунков. Гости увидели иллюстрации в оригинале, интересны были первые наброски карандашом, сделанные А. Кисловым к произведениям «Рейза», «Профилакторий» и др. А сам автор предоставил на выставку документы из личного фонда: фотографии, видеоматериалы, газетные материалы прошлых лет и многое другое.

Самое ценное – Сергей Егорович подарил библиотечной системе несколько экземпляров книги «Врачи Арсеньева» с личным автографом и заключил договор о размещении электронной версии книги на официальном сайте ЦБС. Библиотекари в знак благодарности за плодотворную совместную деятельность презентовали Сергею Егоровичу новый электронный библиотечный продукт – буктрейлер. Это современный способ рекламы книги, видеоаннотация, которая сопровождается музыкой, фотографиями, спецэффектами.

В конце встречи с автором и его новой книгой, все желающие смогли пообщаться с С.Е. Назаренко, задать вопросы и получить личный автограф автора.

В свою очередь хочется пригласить жителей и гостей города Арсеньева посетить библиотеки ЦБС и познакомиться с новой книгой Сергея Назаренко «Врачи Арсеньева».

Мои попутные песни

Владимир МОНАХОВ

г. Братск.

1 марта. Братск. Сибирь

яркое солнце
из первой крохотной лужи
пьют два голубя

*

время запудрило
мозги деревьев листьями
в извилинах дождя

*

кукушка весь день
уговаривала- жить
долго-предолго!

*

лопата в саду
утомилась ждать, когда
придет работник...

*

исходящая
улыбка торговли ловит
денежный взгляд...

*

вот и всех дел –
помнить о ближних,
вспоминать ушедших,
качаясь в кресле-качалке
между не было и не стало...

*

И чего трактор сломался?
Целый день во чистом поле
На свежем воздухе!
Всю весну!
Всё лето!
Всю осень!
Всю зиму!
Пашет и пашет!
Пашет и пашет!

Пашет и пашет!
И чего только фыркает
Всем внутренним сгоранием?!

*

старость
встречает
смерть
с четырех
сторон
света
молодости

*

постарел...
вот и все
исторические события,
а сколько было вначале
молодых мечтаний?
перелистываю гербарий несбывшегося...

*

мировое пространство
исчезает у меня под кроватью
куда закатилась
вечность третьего Рима
в белых тапочках...

*

время делится -
на до и после...
пространство делится -
на до и после горизонта...
небо делится -
на до и после смерти...
жизнь до смерти не делима...

*

Закончились дожди
и в кружках нет вина.
Здесь промочила ноги жизнь,
а горло - тишина!

*

Смахиваю по
утрам вокруг часов пыли
прошедшего времени

*

Ирине Монаховой

Поэт всегда живёт в убыток,
Шлифует сердцем горы строк
И отвергает натиск быта,
Где каждому дают урок:
Как жизнь построить посытнее,
Как брать побольше за строку,
Как стать проворнее, умнее,
Держась у века на верху!

Лишь сочиняющий в убыток,
Смог до таких подняться строк,
Что, пропуская область быта,
Душой в грядущее протёк.
И там рифмованным разрядом
Потомков поразит строка
Того, кто жизнь сжигал не глядя
На благо русского стиха!

Моя соцсреда

*Призрак недостатка
Бродит по России...*

Евгений Брайчук

Я живу среди людей,
которых не волнует
падение акций на бирже
ценных бумаг, а так же
не беспокоит рост цен
на золото,
недвижимость,
автомобили,
меха,
турпоездки,
наркотики,
компьютеры...
Но они вздрагивают и поеживаются,
когда слышат от диктора московского
радио об очередном неурожае картофеля
и неуклонном повышении стоимости
булки черного хлеба...Только при этих
цифрах у людей, среди которых
я продолжаю жить, сжимается сердце,
а душа уходит в пятки,
где от долгого хождения
за хлебом насущным, её
растаптывают в кровь.

*

просыпаюсь
вечность спустя
на весенней поляне
радостного чаепития
рабом нашего подсознания
куда в твою тень

залетают стрекозы
(ты всё пела)
а в мою заползают муравьи
(найти себе дело)

.....

событий одиночества
не хватает поступкам жизни

*

Виктору Сербскому

Наше время для стихов –
Души мы не разорили.
Сквозь бессмертие грехов
Выхожу к пречистой силе.
Если я сгорю в словах-
Приходите отогреться.
Муза долго будет вам
Откликаться эхом сердца.

Стихи об осени

1. Холод размаха крыл
Сверху на землю дохнул-
Жизни сезон закрыл
Ангел, трубивший весну.
Клин перелетных птиц
Мыслью небо чернит,
Сквозь наготу границ
Певчий отряд летит.
Всяк на своём языке
Множит времени шаг,
Держится на поводке
Родины наша душа.

2. Осень не нуждается в рекламе,
Но деревья, заголив зады,
Натоптали крепкими ногами
Увяданья четкие следы.
Жизнь идет по Цельсию на минус,
Вот квадратом почернел весь сад,
Ветер хладный дует людям в спину,
В небе точит зубы чистопад.

Философский вопрос

всеобщее
удовлетворение желаний-
главное ремесло
шум толпы
над планетой-
хочу!
хочу!
хочу!
и только русский философ
связав узелки из слов
пророчит -
Всеобщее счастье
наступит во время
всеобщего
удовлетворения
чувств!

Холодно – тепло – горячо – жарко...

Владимир ТЫЦКИХ

г. Владивосток.

Владимир Михайлович родился в г. Лениногорске (Риддере) в 1949 году. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище, служил на Балтике и Тихом океане на надводных кораблях и подводных лодках. Автор трёх десятков книг, изданных в Москве, Норильске, Владивостоке, Усть-Каменогорске (Казахстан). Печатался в журналах «Байкал», «Бежин луг», «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Москва», «Московский вестник», «Наш современник», «Октябрь» и др. Отмечен лауреатскими званиями в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке. Заслуженный работник культуры России.

Сакраментальное «Век живи – век учись...» и «Большое видится на расстоянии» от перманентного употребления, кажущейся уже затёртости не утрачивает, однако, ни точности смысла, ни правдивости, а снова и снова подтверждается действительностью. Так же, как ироничное пушкинское: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь».

Учиться мы продолжаем, куда голова не утрачивает способности соображать. Увлекательный процесс непрерывен и нескончаем. У тех, разумеется, у кого он, вообще, идёт. Если идёт, это заметно. Процессу сопутствуют переоценка (иногда мучительная) привычных ценностей, появление новых (порой, неожиданных) акцентов во взглядах на мир, а то, бывает, и принципиальное изменение этих взглядов. Периодически появляется повод вспомнить ещё одну максиму – мы сильны задним умом.

Вдруг подумалось – кто в этом виноват? Учитель или ученик? Оба вместе? Если оба, то кто больше? Отсюда – незапланированный вопрос: верно ли мы поступаем, деля учителей на плохих и хороших? Вот лично я – кому я обязан за то многое, что сделал, допустим, в литературе, и кому адресовать упрёк за то многое, чего не сделал?

Глобально нас учит сама жизнь. И – литература. Потому что литература – не только отражение жизни, но и часть её. Настолько значительная, что литературу можно считать другой жизнью или её особой формой. Всё, что в нас и вокруг нас, литература содержит в концентрированном, отобранном виде. Но если жизнь идёт здесь и сейчас, то литература пребывает сразу везде и всегда. Надо лишь определить, где литература, а где подделка, профанация. Да тут уже другой вопрос.

У этих учителей – жизни и литературы – есть и персональное воплощение. Конкретные люди, от которых мы черпаем, прихлёбываем или по капельке собираем знания и опыт.

Всё, мне думается, начинается с любопытства, с интереса. А ещё лучше – с любви. Любопытством и, рискуя сказать, любовью к художественному слову я обязан, прежде всего, отцу. Когда он, обычно под хмельком, брал маленького на руки и пел на собственный импровизированный мотив стихи дорогих ему Ивана Никитина, Сергея Есенина и так далее с устремлением в бесконечность, – для детской души это не могло пройти бесследно. Потом были громкие коллективные читки, сольные декламации и взволнованные обсуждения произведений, обязательно только поэтических, народом, который неровно дышал на литературу и кое-что в ней понимал. Народ этот в немалом числе бывал в родительском доме, составляя многоликий, переменчивый, но всегда широкий, неординарно, творчески мыслящий круг семейного общения.

Раз-другой в означенном кругу «живьём» появлялся Михаил Иванович Чистяков. А имя его звучало в отцовских компаниях постоянно. В Усть-Каменогорске, на Рудном Алтае Михаил Иванович, начиная с годов шестидесятых, был фигурой, признанным литературным мэтром. Звезда Михаила Ивановича начала восходить, когда он написал поэму «Яков Ушанов». Она рассказывала о герое Гражданской войны, первом председателе усть-каменогорского совдепа, заживо сожжённом белыми в топке парохода «Монгол». В классе, наверное, пятом по первой, журнальной или газетной, публикации я выучил поэму наизусть. Читал её в школе и гостям дома. Потом поэма вышла отдельной книгой. Михаил Иванович подарил мне её с добрым автографом.

У меня было сложное отношение к Чистякову, с течением времени сильно менявшееся. От безоговорочного детского поклонения оно доходило до полного неприятия. Окончательно отстоялось лишь недавно, и вдруг открылось, что скорый суд не бывает объективным, а жёсткое деление наших ближних на безнадежно худших

и непоколебимо лучших только запутывает нам жизнь.

Первый удар моему неоглядному к нему уважению Михаил Иванович нанёс во время писательского застолья, когда у нас дома собрались местные и приехавшие из Алма-Аты писатели, из числа которых достоверно помню Леонида Кривощёкова, Петра Косенко и самого Михаила Чистякова. В какой-то момент Михаил Иванович, в одиночестве встав из-за стола, заинтересовался поэтической книжкой, наугад взятой с полки. Автора и названия книжки не помню, что, собственно, и тогда не имело значения.

Тяжело раненный под Сталинградом солдат Михаил Чистяков потерял зрение. Оно вернулось частично, Михаил Иванович плохо видел. Он стоял у книжного стеллажа, почти вплотную приблизив к массивным очкам поэтический сборник. Медленно пролистал несколько страниц и в восторженных выражениях стал хвалить прочитанное. Присутствующие попросили почитать вслух. И вынесли единодушный безоговорочный вердикт: стихи никуда не годятся. Михаил Иванович слегка смешался и сказал: «А-а... ну, я посмотрю внимательней...» Смотрел долго. Но, мне показалось, не читал, даже не шевелил страниц. В конце концов, печально выдохнул: «Да, здесь нет ни грамма поэзии».

Меня, подростка, ровным счётом ничего не понимающего, смутила не резкая перемена мнения, а лёгкость этой перемены. Похоже, перед лицом знающих людей Михаил Иванович не был готов отстаивать свою позицию. Или не имел её.

Года через полтора-два поэт окончательно подорвал доверие к нему. Как все нормальные вьюноши, я бросился рифмовать. Однажды набрался духу послать Михаилу Ивановичу два своих «произведения». Получил два ответа. Одновременно. В одном без обиняков говорилось о моей бездарности и настоятельно предлагалось никогда больше не братья за перо. Второй содержал – ни больше ни меньше – признание поэтического таланта, обещание больших достижений в творчестве и предложение стать членом литобъединения, которым руководил отзывчивый наставник. В ученики к нему я не пошёл и с тех пор думал о нём плохо. Вопрос «Быть или не быть» на пару десятилетий остался неразрешённым.

Невозможно вспомнить, что подвинуло к такому поступку, но я спровоцировал Михаила Ивановича. Два текста, одинаково беспомощных, написанных одним почерком, хотя и были отправлены день в день с одного

и того же адреса, но запечатаны в отдельные конверты и подписаны по-разному. В одном случае я назвался настоящим именем, а в другом, вместо отцовской фамилии Тыцких, конечно, хорошо известной Чистякову, поставил мамину девичью – Осипов. Очевидно, Михаил Иванович подвоха не разглядел. «Талантливый» Тыцких был приглашён в ученики, а «бездарный» Осипов получил отлуп.

Заслуженная известность, большие награды и почётные звания Михаила Ивановича, которыми в своём литературном поколении он один был отмечен среди земляков, меня уже не волновали и не убеждали, даже, порой, вызывали улыбку, одновременно недоумённую и ироничную. Но за творчеством именитого поэта я следил, многие его книги и сейчас хранятся в моей библиотечке. Отдельные стихи, а чаще только строфы и строки казались вполне добротными, но в целом работа Чистякова воспринималась как нечто среднестатистическое, а то и скучноватое – не скажу серое, но лишённое полёта, тайны и открытий, без которых нет высокой поэзии. Это ощущение не поколебал сам Лев Ошанин, написавший хорошее предисловие к сборнику чистяковского избранного «Алтай». И долго я не мог объяснить себе, отчего у Михаила Ивановича так много искренних поклонников и беззаветно преданных учеников, свято убеждённых в неприкосновенности имени своего кумира.

Но теперь я не знаю оснований для спора с ними.

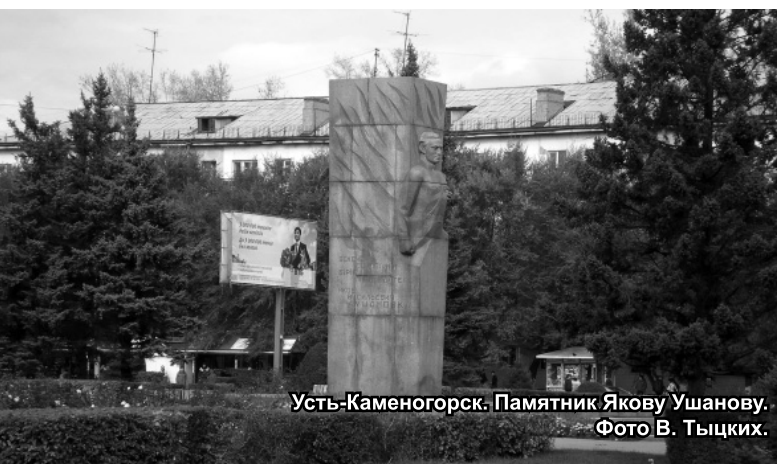
Недавно на родине проходили дни памяти до времени ушедшего поэта Виктора Веригина. Виктор в молодости дружил с моим братом Алексеем, бывал в нашем доме. Он вырос в сильного поэта, одного из самых сильных в Восточном Казахстане. Давным-давно уехав из Усть-Каменогорска, я убедился в этом только сейчас. Друзья прислали стихи Виктора для публикации в журнале «Сихотэ-Алинь». Вместе со стихами пришла толковая статья о его жизни и творчестве. Автор статьи – Любовь Медведева. С Любовью Георгиевной мы знакомы, я с большим уважением отношусь к ней как к человеку и поэту. С радостью предоставляю ей слово:

«Стихи Виктора публиковали в местной газете с 12 лет, и с той же поры его опекал и выделял среди других талантливых ребят М.И. Чистяков...»

Откуда у Веригина эта затруднённая поступь, прерывистое дыхание?

Кумиром его был местный поэт М.И. Чистяков, с вполне бодрим, ямбо-хореическим дыханием. Встретились мы с Виктором впервые на занятиях литературного клуба «Костёр», которым руководил Чистяков, благодаря ему мы неплохо знали стихи поэтов Серебряного века, поэтов-эстрадников, но подробнее и упорнее всего изучали «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, заучивали большие отрывки из древнего эпоса. Частенько мы шутивно ругались друг с другом чистейшим гекзаметром. Благодаря Михаилу Ивановичу и его жене-гречанке мы изучали эти произведения основательно, а не бегом и наскоком, как в школе».

Это не единственное и далеко не самое громкое выражение признательности Михаилу Ивановичу Чистякову из тех, что доводилось читать и слышать. Всякий раз по приезду на отчую землю на встречах с литераторами, активом областного литобъединения «Звено Алтая» я вижу новых и новых людей, из уст которых звучит

Усть-Каменогорск. Памятник Якову Ушанову.
Фото В. Тыцких.

Усть-Каменогорск. Писатель Андрей Кратенко с Еленой и Екатериной Курдаковыми – дочерью и вдовой выдающегося русского поэта Евгения Курдакова. На заднем плане – здание, в котором учился и работал знаменитый писатель Александр Волков. Здесь, в школе № 4 учился автор статьи «Холодно – тепло – горячо – жарко...» Владимир Тыцких, который сфотографировал своих земляков во время прошлогодней поездки на родину.

Рудный Алтай (Восточный Казахстан), с. Черемшанка. Слева направо: Владимир Тыцких, писатели-земляки Владимир Нетисов, Николай Герасимов, Александр Исаченко. Фото Юрия Меньщикова.

похвальное слово учителю. Правда и то, что не все земляки с ними солидарны. О Михаиле Ивановиче можно услышать и такое: «Что касается М.И. Чистякова, то, скажу честно, он для меня никакого интереса – ни творческого, ни человеческого – никогда не представлял. И, конечно, он как всякая бездарность, всей душой ненавидел сногшибательный талант П. Васильева и сочинял о нём...» Не могу назвать автора этих слов, но скажу, что принадлежат они не последнему в Казахстане писателю, учёному литературоведу, который лично для меня является бесспорным авторитетом в области литературной критики. У него есть единомышленники, их меньше, чем поклонников у Михаила Ивановича, но они принадлежат к ряду действительно выдающихся мастеров слова, к которым в первую очередь должна прислушиваться родина.

Об отношении Михаила Чистякова к Павлу Васильеву можно узнать из исследований бывшего директора Дома-музея великого русского поэта в Павлодаре Любови Кашиной. Как выяснилось, Михаил Иванович, мягко говоря, не жаловал Павла Николаевича.

И вот тут – круг замыкается. От истории с неназванным поэтом, которая случилась в доме отца во время писательских посиделок, до осмысления трудно, на первый взгляд, объяснимой нелюбви благополучного и, признаемся, рядового поэта Чистякова к трагическому гению Васильева я шёл по этому кругу несколько десятилетий. Они вобрали в себя все годы, в течение которых я пытался приблизиться к литературе и что-нибудь понять в ней. Одним из самых неожиданных и трудных открытий на этом пути оказался тот факт, что, наряду с талантом писателя, есть талант читательский, и таланты эти далеко не всегда совпадают в одном человеке. Только этим можно объяснить и оправдать неспособность многих пишущих (иногда и неплохо пишущих) людей справедливо оценивать чужое творчество. Образно говоря, в литературе, в поэзии музыку, случается, играют глухие. Есть ещё неприятие осмысленное, когда литератор отвергает коллегу, руководствуясь иными мотивами, но понимая его. Здесь речь именно о неспособности понять чужое (часто – и своё) творчество во всей полноте, неспособностью объективно его оценить.

Хорошо ли осуждать людей за врождённую, может быть, глухоту? Есть ли в этом осуждении смысл?

Для меня это – первый урок от Михаила Чистякова. Первый, но не последний.

У Михаила Ивановича есть ученики, которые переросли учителя. В таких случаях учителя нередко проникаются завистью к ученикам и становятся их врагами. А ученики начинают кичиться превосходством, стыдясь своего бывшего поклонения наставникам. Когда преуспевший ученик не унижает учителя высокомерием и остаётся навсегда ему благодарным, а учитель не прекращает радоваться достижениям своего подопечного, как бы высоко он ни поднялся, это чего-то стоит.

И ещё урок. Люди – создания сложные, я бы сказал – многослойные. Нет среди них ни одного абсолютно хорошего, и нет ни одного окончательно плохого. Один и тот же человек может быть кому-то врагом, кому-то другом. Выбирай друзей по себе, береги их, а от тех, кто кажется тебе недостойным, просто держись подальше. Это твоё право – выбирать. И у всех ближних есть точно такое же право. Надо уважать чужой выбор. Во всяком случае, считаться с ним.

Отношение к литературе, её восприятие всецело зависят от индивидуального вкуса и слуха. Ясно, что они – у каждого свои, с этим нельзя ничего поделать.

Конечно, никакой великой новизны в этих моих открытиях нет. Всё было в жизни тысячи и миллионы раз и до самых тонких подробностей исследовано литературой. Но так устроен человек – нам мало подсказок из книжек, окончательно убеждает и научает нас только личный опыт. Библейское «Полюби ближнего как самого себя», «Не судите да не судимы будете» у всех у нас на слуху, и ведомо городу и миру, что Господь велел прощать другого до семижды семидесяти раз. Но мы, выходит, ученики трудные. И в помощь, в наставление нам даются учителя. Не похожие один на одного, и хорошие, и плохие. Это же не просто так. Хороший учитель учит, как надо. Жить, работать, относиться к людям. Плохой – как не надо. Трудно сказать, что важнее. И тот и другой равно заслуживают нашей благодарности.

Спасибо, Михаил Иванович!

Огонь, вода и медные трубы Игоря ЦАРЕВА

Иван ШЕПЕТА

г. Владивосток.

Иван Иванович родился в 1956 году в Приморье. Окончил филфак ДВГУ. Поэт. Предприниматель. Спонсор нескольких литературных проектов, главный из которых альманах «Рубеж».

Автор пяти поэтических книг. Печатался в журналах «Новый мир», «Дальний Восток», «Литературная учёба», «Советская литература» и в других – на польском, немецком, испанском и французском языках.

Член Русского ПЕН-центра и обоих писательских союзов.

Из Москвы пришла шокирующая весть: 4 апреля 2013 умер лауреат премии «Поэт года–2012», Игорь Царев. Умер от сердечного приступа прямо в редакции «Российской газеты», где работал выпускающим редактором. Ему было всего 57.

Родился поэт в пос. Пограничном Приморского края 11 ноября 1955, где начальником станции Гродеково работал его молодой отец. В роддоме случился пожар, и отец, подъехав на паровозе к роддому, находившемуся недалеко от путей, сбил пламя водой из паровозной емкости. Так еще при рождении Игорь Царев прошел огонь и воду.

Символизм рождения не исчерпывается огнем и водой. Младенец словно принял эстафету от умершего в том же поселке ровно 10 лет до того, в 1945-м, лучшего поэта белой гвардии Арсения Несмелова. Они чем-то неуловимо похожи – Несмелов, родившийся в Москве и умерший в Гродеково, и Царев, родившийся на КВЖД и умерший в Москве. Причем, похожи и в жизни, и в стихах. Судьба обоих дает резкий слом в середине жизненного пути: Несмелов становится литератором после революционного краха России в гражданской войне, а Царев – после антикоммунистического переворота и распада СССР.

Блистательный поэт окончил физико-математическую школу в Хабаровске, потом получил диплом престижного технического вуза в Ленинграде. Работал инженером-конструктором в бюро, занимающимся созданием аппаратов для исследования Марса. Увы, с развалом страны, оканчивается финансирование многих отраслей промышленности, и каждый сотрудник, еще недавно ощущавший себя элитой общества, вынужден зарабатывать, чем придется. Игорь Царев – журналистикой и популярной литературой. Он автор 10 непоэтических книг. И только одиннадцатая «Соль мажор» – стихи.

Поэтика книги архаическая. Так наверняка бы охарактеризовали ее обозреватели журнала «Знамя». Правильная силлабо-тоника, математически выверенная, я бы сказал. Орнаментализм, то есть внимание к мельчайшим подробностям. Использование редких рифм, внятных незаёмных метафор, чем в общем-то и исчерпывается консервативный, умеренный модернизм Игоря Царева. Такая поэтика приятна читателю, но ни в грош не ценилась у актуалов, которые то и дело норовили сбросить поэта с корабля современности. Профессиональные, старые писатели, наоборот, отмечали его качественные, романтически приподнятые и торжественно печальные стансы. Именно высокий ареопаг и присудил Игорю Цареву звание «Поэт года–2012», что наверняка показалось несправедливым многочисленным гениям, выпускникам Литинститута, задающим тон разрушительным дискуссиям в Интернете.

Большинство текстов Игоря Царева – песни. Этим объясняется принципиальная простота, доступность, ритмическая правильность и некоторые избыточные длины текстов, не принятые у тех, кто не признает музыкальности, рассчитанной на слушателя, а не на читателя. Однако мастерство поэта, стремление к отточенным формулировкам, афористичности даже в песне, невольно вызывают уважение и у хамоватых актуалов.

Медные трубы на сцене ЦДЛ еще при жизни поэта, 21 марта 2013 года, спели славу, и заслуженная награда – звание «Поэт года–2012» нашла героя. Собранного, подтянутого, правильного. Посрамляя распространенное мнение, что «настоящий поэт» асоциален, неуживчив и неспособен содержать себя и свою семью.

Что касается меня, то я считал Игоря Царева чуть ли не единственным близким мне человеком по поэтическим и человеческим пристрастиям во всем пространстве Интернета. Возможно, не у меня одного из пишущих были такие ощущения (с подлинным поэтом всякий человек себя ассоциирует невольно), но общая родина – Дальний Восток и один возраст давали мне право на это больше других. Я хотел издать книгу Игоря Царева и даже получил разрешение от автора на издание, но не заладилось предисловие. И теперь уже никогда не напишу предисловия к его книге, потому что все слова Игоря уже прозвучали, и мои теперь всегда будут после его слов. В прямом и в переносном смысле...

Игорь ЦАРЕВ

На тонком пульсе нитевидном...

Пасхальное

Отложу я хлопоты под сукно
И, воздав пасхальному куличу,
Потянувшись мысленно за окно,
В кумачовых сумерках улечу.
Проскользну за облако на закат,
Огибая пряничный городок,
Посмотрю на жизнь свою свысока,
Ощущая гибельный холодок.

Утонуло прошлое подо льдом,
Еле виден призрачный палисад,
То ли дым за озером, то ли дом,
То ли кони в яблоках, то ли сад...
Не осталось даже черновика
Прошлогодних трав и кленовых строф,
Что казалось писанным на века,
Разметало копотью от костров.

Но по небу катится не слеза –
Что апрелю плакаться, смерть поправ?
Он уже на кладбище снег слизал,
Очищая место для новых трав.
Заглянуть бы надо, поправить крест,
Пусть стоит прямехонько — не во лжи...
А сегодня праздник: Христос воскрес!
Хоть один у Господа заслужил...

Баллада о троих

Когда страна еще ходила строем
И все читать умели между строк,
На пустыре сошлись впервые трое,
Деля по-братски плавленный сырок.
Мы что-то возводили,

водружали

И снова разрушали впопыхах,
А трое неспеша «соображали»
За гаражами в пыльных лопухах.
Несуетное это постоянство,
Пока другие расшибали лбы,
Преображало маленькое пьянство
Во что-то выше века и судьбы.
Менялась власть,

продукты дорожали,

Казалось, все трещит на вираже!..
А эти трое – там, за гаражами –
Незыблемыми виделись уже.
Вот и сегодня, в шелковой пижаме,

В окошко глянет новый печенег,
А трое, как всегда, за гаражами
Несут свой караул, закоченев.
Пусть их имен не сохранят скрижали
И троица не свята, но, Бог весть,
Спокойно засыпайте, горожане, –
Пока те трое пьют за гаражами,
Хоть капля смысла в этом мире есть.

Дальневосточное

Мое сатиновое детство
Душе оставило в наследство
Копилку памятных узлов,
Канву сплетая временами
Из трав с чудными именами
И музыки былинных слов.

Когда в багульниках Хингана
Играет солнечная гамма,
Венчая Ору и Амур,
Я в их названия ныряю,
Как будто судьбы примеряю
Неведомые никому.

Когда на Зее спозаранок
Среди аралий и саранок
Медовый воздух ал и густ,
Так сладко языком ворочать
Полузабытый говорочек,
Созвучья пробуя на вкус.

И до сих пор еще, бывает,
Они из памяти всплывают,
Как рыбы из немых стихий:
В седой висок не барабанят,
Но лба касаются губами,
Благословляя на стихи.

Часы

Все по часам – и плачешь, и пророчишь...
Но, временем отмеченный с пеленок,
Чураешься и ролексов, и прочих
Сосредоточий хитрых шестеренок.
Они не лечат – бьют и изнуряют.
И точностью, как бесом, одержимы,
Хотя, не время жизни измеряют,
А только степень сжатия пружины.
И ты не споришь с ними, ты боишься –

И без того отпущенное скудно!
Торопишься, витийствуешь и длишься,
Изрубленный судьбою посекудно.
Спешишь сорить словами-семенами –
Наивный, близорукий, узкоплечий,
Пока часы иными временами
И вовсе не лишили дара речи.

Когда в елабужской глуши

Когда в елабужской глуши,
В ее безмолвии обидном,
На тонком пульсе нитевидном
Повисла пуговка души,
Лишь сучий вой по пустырям
Перемежался плачем птичьим...
А мир кичился безразличьем
И был воинственно упрям...
Господь ладонью по ночам
Вслепую проводил по лицам
И не спускал самоубийцам
То, что прощал их палачам...
Зачтет ли он свечу в горсти,
Молитву с каплей стеарина?
Мой Бог, ее зовут Марина,
Прости, бессмертную, прости.

Часовой

Девчонка в туфлях-лодочках
Плывет по мостовой –
Постреливает глазками,
Улыбкою маня,
А часовой на площади
Мишенью ростовой
Застыл в шинели тоненькой
У Вечного огня.
Над ним планеты кружатся
И ходят облака,
А он стоит навтыяжку,
Не шевельнув рукой...
И даже башня Спасская,
Взирая свысока,
Слегка ему завидует:
«Молоденький какой!»
Под музыку бравурную
И плач колоколов
Одни спешат на митинги,
Другие – в Божий храм,
А он глазами ясными
Глядит поверх голов,
Как будто что-то видит там,
Невидимое нам.

Дачное

Вот и Брыковы горы, и лета макушка,
И суббота идет заведенным порядком:
В холодильнике «Орск»
 дозревает чекушка,
Набирается солнца закуска по грядкам...
И цикады выводят свои пиццикато,

И погода – куда там в ином Намангане! –
И, бока подставляя под кетчуп заката,
Ароматом исходит шашлык на мангале...
Старый кот на плече,
 верный пес у колена,
Я – беспечный герой золотой середины,
И смотрю свысока, как по краю вселенной
С одуванчиков ветер сдувает седины.

Бродяга и Бродский

Вида серого, мятого и неброского,
Проходя вагоны походкой шаткою,
Попрошайка шпарит на память Бродского,
Утирая губы дырявой шапкою.

В нем стихов, наверное, тонны, залежи,
Да, ему студентов учить бы в Принстоне!
Но мажором станешь не при вокзале же,
Не отчалишь в Принстон от этой пристани.

Бог послал за день только хвостик ливерной,
И в глаза тоску вперемешку с немочью...
Свой карман ему на ладони вывернув,
Я нашел всего-то с червонец мелочью.

Он с утра, конечно же, принял лишнего,
И небрит, и профиля не медального...
Возлюби, попробуй, такого ближнего,
И пойми, пожалуй, такого дальнего!

Вот идет он, пьяненький, в драном валенке,
Намешав ерша, словно ртути к олову,
Но, при всем при том, не такой и маленький,
Если целый мир уместился в голову.

Электричка мчится, качая креслица,
Контролеры лают, но не кусаются,
И вослед бродяге старухи крестятся:
Ты гляди, он пола-то не касается!..

Накануне

Июнь сегодня
 вверх тормашками
И по особому чудит:
То желтоглазыми ромашками
Под юбки девичьи глядит,
То ластится, как будто дразнится,
Щеки касается щекой...
Ему, зеленому, без разницы –
И день какой, и год какой.
Короткий дождь мешая с глиною,
Линует воздух голубой,
Гоняет пару журавлиную
Над восклицательной трубой
И пьет из теплых луж,
 не брезгуя,
Закат на тысячу персон...
А в небе тени ходят резкие,
И рыжие дворняги брестские
Последний мирный видят сон.

Мы – его память

Владимир ДОВЖЕНКО

г. Москва.

Дорога в город Арсеньев прошлым летом в рейсовом автобусе напомнила мне детство, прошедшее в середине минувшего века в таёжном посёлке Семёновке (ныне – город Арсеньев). Автобус покачивало во время движения, а в моей памяти всплывали события наших с братом Михаилом юношеских лет: семейные радости, школьные будни и трудовые годы на авиационном заводе № 116...

За окном промелькнули деревни Осиновка, Ивановка, село Анучино и вот справа по ходу показался щемящий сердце ориентир – высокая сопка Халаза, которую уже после моего отъезда из Приморья переименовали в Обзорную. Давно же не был я в родном городе! Арсеньев теперь не просто город, он – центр высоких промышленных и научных технологий, которые воплощаются в продукцию известных на всю страну заводов – авиастроительного «Прогресса» и машиностроительного «Аскольда». Арсеньев – город интеллектуалов и творчески одарённых людей, во многом обеспечивающих мощь нашей державы.

...На заводе «Прогресс» мы с братом Михаилом трудились слесарями после восьмого класса школы до самой службы в армии и потом – вплоть до учебы в университетах. Свои первые деньги он заработал в 13 лет на кирпичном заводе, где работал откатчиком вагонеток с сырым кирпичом (по 96 штук на вагонетке). Михаил доставлял формованный сырец из заготовительного цеха в сушильные бараки, а затем в цех обжига, перевозил партию за партией тяжелые кирпичи. Трудились мы в летние каникулы, как несовершеннолетние, по четыре часа в день на этом кирпичном заводе, как и многие, такие же, как мы послевоенные подростки, босые и плохо одетые, из простых семей. В месяц зарабатывали по 400 рублей, старыми большими бумажными деньгами, которые уходили на покупку к новому учебному году одежды и обуви. К слову, наша мама зарабатывала тогда в детском саду 700 рублей за месяц. Нас, детей, с 1942 года подраставших без отца, у неё было трое. После рабочей смены, примерно в полдень, собирались мы у заброшенного карьера, заполненного дождевой водой, и купались вдоволь или ловили мелкую рыбёшку на банку с дырками, привязанную к тонкой верёвке.

Среднее образование Михаил получал в школе рабочей молодёжи № 1, располагавшейся в бараке за столовой авиационного завода. Я помню Михаила тех лет рослым и крепким улыбчивым парнем. Он был душой компании: Миша знал сотни четыре смешных историй и анекдотов, хорошо пел. Брат был смелым и решительным человеком.

Вспоминаю случай, произошедший во время занятий в десятом классе вечерней школы рабочей молодёжи. Весь класс поднялся на крик о помощи, доносившийся за стеной из кабинета директора школы Манича. Первым ворвался в его кабинет мой брат Миша и выбил нож из рук разгневанного старшеклассника-двоечника, требовавшего у директора школы ликвидировать неудовлетворительные оценки в классном журнале. Через неделю хулиганы в отместку сильно избили Михаила, да так, что он домой возвращался ползком поздно ночью. Позже хулиганам присудили условный срок – по 3 года и оставили на поруки в нашем же цехе. Дальнейшая судьба их сложилась плохо, все трое погибли в молодом возрасте – кто в тюрьме, а кто в больнице.

После окончания в 1968 году факультета журналистики ДВГУ свой творческий путь Михаил начинал в районной газете Михайловского района под Уссурийском и потом работал в ряде дальневосточных газет. Долгое время работал специальным корреспондентом краевой газеты «Утро России» в городе Арсеньеве. С его помощью создавалась и литературно-музыкальная газета «Лукоморье», первым редактором которой был друг его детства – арсеньевский поэт Николай Морозов.

Через несколько лет, работая редактором одной из районных газет северного Приморья, Михаил рассказывал в кругу арсеньевских друзей о судьбе журналиста: «Моя профессия относится к десяти самым вредным, тяжелым и опасным профессиям в мире. О хорошей зарплате мы, журналисты, только мечтаем. Так вот, понимаете, у меня редактора газеты «Вестник Тернея» был оклад несколько ниже технического работника любой чиновничьей структуры, разбазаривающей для красивой жизни народные денежки. и всем плевать, как живёт газета, а что говорить о простых сотрудниках редакции, как они выживают?»

О сельской жизни он мог многое рассказать. К примеру, Михаил с горечью писал, что единственная в посёлке общественная баня не работала зимой из-за отсутствия... дров. И это при том, что посёлку Терней, основанному в 1786 году экспедицией капитана Лаперуза, уже больше 220 лет. Жилой фонд района – это (большей частью) догнивающие деревяшки с кривыми полами и такими же заборами. Даже в райцентре – только деревянные общественные туалеты, в которые заходить просто рискованно. Улицы посёлка без асфальта и тротуаров, в темное время суток не освещаются. В Тернее нет проводного радио, не показывает Приморское телевидение, принимаются только программы ЦВТ для Сахалина.

Я встречался с Михаилом не очень часто, раз в два года прилетая в Приморье. Мы подолгу беседовали, жадно впитывая информацию друг о друге. Вот ещё один рассказ Михаила:

– Скажу ещё о работе журналиста в сельском районе. На командировки денег для районной редакции всегда не хватает. А заработать на рекламе и тираже при такой низкой плотности населения физически невозможно. Многие здесь получают зарплату по полторы – две тысячи рублей в месяц. Район тоже в долгах как в шелках. Штатные сотрудники не все имеют специальное образование, их приходится учить газетной работе. В долгах часто и редакция газеты. Грустно от всего этого... Проезжих дорог в районе у нас за пару тысяч км. Но за два года, что я здесь, удалось побывать по полдня аж в двух северных сёлах из девяти, потому, что брали с собой «безбилетником».

Трудно управлять районной редакцией при многолетнем нищенском бюджете! Кстати, моя редакция, в отличие от других, находилась в обыкновенном «сарая». У меня в редакции, нет автомобиля лет двадцать, и не видится. Разве можно представить себе редакцию без транспорта? Однако наша газета – факт общепризнанный – стала одной из самых лучших в крае, с самым высоким коэффициентом подписки на «душу населения» – каждый пятый, тираж вырос на четверть и продолжает расти. Порадуйтесь за нас: давят со всех сторон, а мы ещё не сдохли!

В другой раз, помню, мы с интересом говорили с Михаилом об экономике Приморского края и он размышлял так:

– В общей экономике России, брат, сложилась странная картина. В Приморье три полноценных (часто простаивающих) ликёроводочных завода, а магазинные полки ломятся от московской, подмосковной, осетинской, дагестанской водки и даже ленинградское пиво привозят. А как хочется заорать на всю страну: депутаты и чиновники, да полюбите же свою страну, вы же россияне!

Или вот ещё: 34 миллиарда долларов в год уходят на взятки разным чиновникам... Грустно от этого. Районы Приморья переживают сумасшедшую продуктивность лесосек и потрясающую невозможность делать на этом благосостояние края и России в целом. Механизм власти жалок: отнять как можно больше у народа, урвать от общего куска, пока власть в руках. Вот так и существуем с властью, от выборов до выборов. Дурь какая-то...

Вы знаете, друзья мои, что, обладая 530-километровым морским шельфом, Тернейский район не имеет ни одной рыболовецкой шлюпки, чтобы наловить для больницы, детсадов и яслей, для инвалидов и малоимущих, дешёвой рыбки, которой у нас немерено? А почему бы и не для магазинов своих?!

Михаил часто задавал наболевший до предела вопрос нам и себе тоже: «Где защита местных бюджетов от мафии и чиновников? Под видом банкротства разрушены гиганты приморской индустрии и рыболовецкий флот. Разрушены во имя чьих интересов? Не моих, как минимум, так ведь? Нас (читайте – народ) раздевают на глазах у всех. Вежливо и цинично. Это петля для матушки-России.

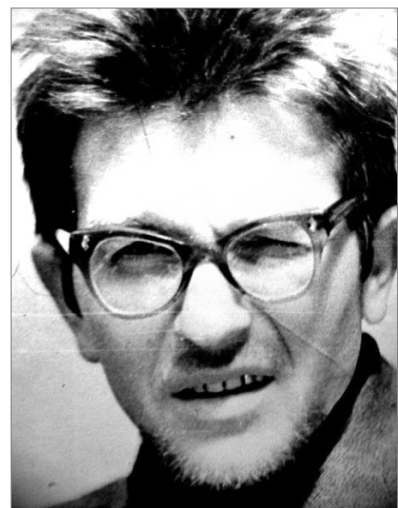
Финансовая мафия разгружает муку с пароходов во Владивостоке, а хлеб и макаронные изделия мы изготавливаем из сибирской и даже ростовско-краснодарской муки. Рис везем в Приморье откуда угодно, а ведь у самих такой великолепный рис вырастает! Всё построено на крепкой и, простите, подлой защите интересов олигархии, воров «в законе» или российской торговой мафии – без границ.

Писать и печатать об этом боятся и теперь.

– Всем понятно, что чиновничество России мы просто не прокормим, – утверждал Михаил в экономических обозрениях. – Платим им огромные деньги за то, что они откровенно «химичат» на своих местах, наедают лица, работают на свои и подставные фирмочки, устраивают жизнь родственникам и друзьям за счёт народа и лгут, лгут нам в глаза – ежедневно.

Обращался Михаил с подобными вопросами к администрации края, к президенту Путину во время его первого избрания, но ответов так и не дождался, хотя размышления Михаила основывались на глубоком знании жизненной ситуации и на экономическом анализе, на том, в чем он хорошо разбирался как экономист и журналист.

...В нашей памяти и в жизни многих его коллег всплывает образ Михаила Довженко, соотносимый с мерилем чести и правды непоколебимой, присутствовавшей постоянно в его журналистской судьбе.

Михаил ДОВЖЕНКО

Не жалеть забытых дат

Вера ГУНДАРЕВА

г. Артём Приморского края.

* * *

Небесный свет стекал
И гас в объятьях тьмы.
Из глубины зеркал
На нас смотрели мы.

Смотрели не всерьёз,
По молодости лет
Не слушали вопрос,
Не слышали ответ

И лезли на рожон,
Считая жизнь игрой,
И ломаным грошом
Платили нам порой.

Всех не припомнить дней,
Им не было числа,
И с каждым днём сильней
Тускнели зеркала.

Стекает тишина,
Как раньше свет стекал,
И я смотрю одна
Из глубины зеркал.

* * *

У комет судьба такая,
Всем она известна впредь –
До земли не долетая,
В атмосфере догореть.

У меня судьба похожа,
И не будет мне другой –
Мчусь к тебе, люблю до дрожи,
Догораю – хвост трубой!

Не успею попрощаться,
Попенять своей судьбе.
Но какое это счастье –
Через жизнь лететь к тебе!

* * *

Однажды я во дворике чужом
(Как занесло, не помню, право слово)
Случайно познакомилась с бомжом,
И он меня спросил весьма сурово:

– Скажи мне, если можешь, почему
Нет в мире места мне, но есть ему? –
И пальцем ткнул в весёлого мужчину,
Что шёл и улыбался без причины.

Причина всё же, видимо, была.
Я отговорку глупую нашла –
Мол, тороплюсь по экстренным делам,
О месте на земле подумай сам.

А можешь мужика того догнать.
Спроси его, он тоже может знать –
Весёлый он или навеселе, –
Как поделить вам место на земле.

* * *

Никто её не звал, никто не ждал.
Пришла сама и ну ломиться в двери,
Желая отплатить за все потери
Тому, кто первым под руку попал.

Какой порыв души, какая страсть!
Сбить каблуки о запертые двери!
И довести соседей до истерик,
Самой едва в истерику не впасть...

На счастье, не попался в руки лом,
Она б его пустить сумела в дело.
Ведь прятался хозяин под столом,
А женщина любви его хотела.

* * *

Помоги мне, помоги!
Я встаю не с той ноги.
Это очень тяжкий грех –
Наворчать с утра на всех.

Я встаю не с той ноги.
Подгорают пироги,
В дверь стучит сосед опять,
Чтоб на выпивку занять.

Чтоб он лопнул пополам!
Ни рубля ему не дам.
Заступаться не моги –
Встала я не с той ноги!

Всем с утра дала разгон,
Были дома – вышли вон.
Прячьтесь, недруги-враги,
Я встаю не с той ноги!

* * *

Говорят, что хорошо
Там, где нас сегодня нет.
Но под вечер дождь прошёл,
И пролился лунный свет,

Расстелился на полу,
Просочившись сквозь окно.
Тени спрятались в углу,
Там, где тихо и темно.

Ах, какая благодать –
Окунуться в этот свет,
Не жалеть забытых дат,
Не жалеть ушедших лет,

Успокоиться душой
И к чужой душе не лезть.
Знаешь, очень хорошо
Там, где мы сегодня есть!

* * *

Ветер занят всяким вздором –
Пыль гоняет вдоль дорог,
Затекает с нами ссоры,
Дует вдоль и поперёк,

Рвёт на небе тучи в клочья,
Рвётся пламя у костра.
Что пророчат эти ночи,
Эти песни до утра?

Если очень постараться
И трудов своих не жаль,
Ты войдёшь
в Большое Братство
Под названьем – фестиваль.

Слово с нотами поладит
И прогонит прочь хандру.
Не останется внакладе
Тот, кто молится костру.

Это – жизнь без графарета,
Это – кто во что горазд,

Два вопроса – три ответа
И четвёртый про запас.

Всё уйдёт и всё вернётся.
Замирая и дрожа,
Из-под струн на волю рвётся
Обнажённая душа.

* * *

Поглажены брюки, помыта посуда.
Ещё бы картошки поджарить не худо,
Почистить рыбёшку, надраить полы
И от паутины очистить углы.

Сыночку к резинке
пришить рукавички,
Стишок рассказать
его младшей сестричке,
Бельё постирать – накопилась гора.
А завтра всё то же, что было вчера.

Ах, да! Не политы цветы на балконе,
Звонок неотвеченный на телефоне,
И нужно за хлебом бежать в магазин,
А небо опять непогодой грозит.

Всё слышу и вижу в пол-уха,
в полглаза.
И микроволновка сломалась, зараза!
Да будет ли отдых
на нашем веку!
Одно утешенье –
попить кофейку,

А после опять приниматься за дело,
Поскольку я много чего не успела.
Пораньше бы лечь
да покрепче уснуть...
Вот день пролетел, и его не вернуть...

Боль

Ночью боль всегда сильнее.
Как нахлынет, как взорвётся!
Днём – то солнышко пригреет,
То соседка улыбнётся,

То домашняя забота
За рукав с дивана стащит,
Или вдруг позвонит кто-то,
Тыщу лет назад пропавший.

Молча слушаю советы,
Разделяю уйму мнений.
Днём болеть резона нету –
Слишком много впечатлений.

А когда закат угаснет
И покоя мир захочет,
Боль – сильнее, страх – опасней
В тишине кромешной ночи.

От редакции. Сегодня мы продолжаем знакомить читателей с комментариями на произведения, опубликованные в ранее вышедших номерах «Литературного меридиана». Присланные отклики оформлены авторами в реплики, поэтические зарисовки и даже в статьи. Всех наших корреспондентов объединяют неподдельная искренность, неравнодушие и горячее желание сделать «Литературный меридиан» изданием высокого литературно-художественного уровня.

* * *

Рецензия на «**Валентин Курбатов. Утро вечера мудренее**» («Литературный меридиан»)

Изысканным языком, высоким стилем написано! О России только так: с гордостью и оптимизмом!

Людмила Самойленко.

* * *

Рецензия на «**Пук за пук, то есть как аукнется**» (**Владимир Тыцких**, «Литературный меридиан» № 2(64)–2013 г.)

Прямо детективная история... Бывают же такие люди! К сожалению, их много. Посетили бы психолога что ли, чтобы помог им поработать над адекватной самооценкой.

Татьяна Овчинникова 4 (г. Самара).

Ответ старухи-омички Галины омичу Ивану Тарану

«Я не люблю народ. Особенно старух»

Иван Таран

Влюбилась в тебя влет
за творческий твой нюх –

Учуять так народ,
особенно старух!

А славы, хоть дурной,
зачем тебе искать?

Она уже с тобой –
тебе под стать!

А вот уж бедный Омск,
«особенно окраины»,

никак не примут в толк,
за что тобой охаяны?!

Лишь родина, как мать,
простит душою праведной,

но чтоб тебе – *рожать*?!

Окстись, сынок, – неправильно!

Галина Тимощенко (г. Владивосток).

* * *

Рецензия на «**Николай Зиновьев, стихи**» («Литературный меридиан»)

Короткие и ясные

И к боли не глухи –

Сверкают в дни ненастные

Зиновьева стихи!

С искренним уважением –

Валерий Веселов 2.

* * *

Рецензия на «**Поэт серебряного века. О Пастернаке. Г. Богданов**» («Литературный Меридиан»)

Приятно видеть и слышать, как на дальнем краю земли российской помнят и чтут гения. Прикосновение к его стихам и прозе переворачивает душу. А сознание об издевательствах над Поэтом... не находит оправдания стране.

О Пастернак, сквозь все невзгоды

к нам, слабослышащим, приди...

О чем нам говорит природа?

Её слова переведи!

Роман М. Трахтенберг.

* * *

Рецензия на «**Станет тихо. Владимир Тыцких. Стихи**» («Литературный меридиан»)

Русская лирика, непознанный внутренний мир поэта, пока не зазвучал, не зазвенел, не окутал задушевностью, теплом – хранит зарождающееся чародейство. Спасибо – лучше вас не скажешь.

Анатолий Ефремов.

* * *

Рецензия на «**Я её прибил**» («Литературный меридиан»)

Очень хороший рассказ. Понравился. Да, удивительная штука жизнь, чего только в ней не бывает!

Лидия Дунай.

* * *

Рецензия на «**Николай Зиновьев. Быть непонятым печально**» («Литературный меридиан»)

Здравствуйте, Николай! «Только духом Бога и Отчизны вечно переполнена душа». Настоящая поэзия. Спасибо Вам!

С уважением,

Татьяна Трегубова.

* * *

Рецензия на «**Вита Шафронская. Жизнь моя тобой кровотоцит...**» («Литературный меридиан»)

Будто подарок получил...

Спасибо Вам! А.

Алексей Мелешев.

* * *

Вы, литмеридиановцы, позиционируете себя, как общероссийское издание, почему же очень часто на страницах журнала мелькают одни и те же авторы, например, владивостокские?

Александр Логунов (г. Фокино)

Мой мартовский номер «Литературного меридиана»

Настя КАПУСТИНА,
г. Владивосток.

«...О, вот и большой конверт!» – в очередной раз подумалось мне, когда увидела в почтовом ящике белое содержимое. Не отслеживаю, за какой месяц был прошлый номер, за какой месяц пришедший. Просто сразу предвкушаю, как уютно усядусь в уголок дивана, вскрою конверт с аккуратно написанным от руки, по-домашнему, адресом и прочитаю все от первой до последней страницы. А у тебя, читатель, такие же чувства возникают (так и хочется поставить подмигивающий смайлик в конце этого предложения)?

Этот номер, оказывается, за март. Оглавление обещает и прозу, и поэзию, и размышления.

Итак, «Новый год в Полине». Спокойно, рассудительно повествует автор о простых взаимоотношениях родственников. Читала и как будто кино смотрела – так ярко представлялось повествуемое. Вот как сумел автор, **Виктор Заводинский**, подобрать слова.

Дальше идет «Чертов баран». Думаю: «Что за название?... Интересно, это о человеке или о все-таки о животном...». Начала читать и смеялась, читатель, вслух! И как удастся редколлегии найти такие интересные работы?! Так занятно написал автор **Альберт Деев** о животном и о людях.

А вот и поэзия. Такие резкие стихи... Стихи – противопоставление. Чьи же? **Иван Таран**. Молод и дерзок, как и положено главному редактору журнала «Вольный лист». Кстати сказать, стихотворения в каждый номер подбираются разнообразными, не однотипными. Так каждый автор сможет найти своего читателя, а каждый читатель сможет найти поэзию по душе.

Дальше снова проза, поэзия. Авторы – **Георгий Каюров** и **Иван Шепета** – именитые. С большим интересом прочитала их работы, публикации таких авторов – украшение «Литературного меридиана».

Об интересном событии сообщено в заметке «России верные сыны». Думаю, не каждый знает о премии Дельвига. А читатели «Литературного меридиана» теперь знают. Как знают и о том, сколько хороших людей вокруг. Тому подтверждением будет статья о детском окулисте Феодосии Степановне Лихно. Автор **Сергей Назаренко** очень трогательно описал ее судьбу.

«Голубой шарф»... Романтичное название. И ему соответствует содержание рассказа **Татьяны Эден**. Берет за душу до слез!

Николай Березовский побудил своей статьей «Как я побывал в Греции» тоже прочитать что-либо про Грецию. Или про другую страну, чтобы мысленно попутешествовать. Ведь не только телевидению позволено отправлять нас в другие страны, не выходя из дома.

«Таежные были» **Виктора Дебелова** интересны как взрослому читателю, так и подрастающему поколению. И это важно: родители могут читать журнал вместе с детьми и стать еще ближе друг другу.

Стихотворения **Александра Егорова** и **Алексея Бोरывчева** позволили задуматься о жизни, пофилософствовать после прочитанных «Тигра-патриота», «Бурого алкаша». Виктор Дебелов – мастер миниатюры.

Почувствовала ностальгию по прошлым годам, прочитав «Шило» по-редакторски» **Василия Самохина**. И согласись, мой читатель, что вряд ли здесь можно усмотреть пропаганду алкоголизма! Идея рассказа ведь совсем другая, не так ли? Не то, что нынешние ролики по телевидению.

Очень впечатлена была «Горбушкой» **Олега Романова**. Мастерски раскрыта тема противопоставления государства и его подданных. Увы, реальность нашей жизни в том, что власть живет на другой планете (как уже показано в известном всем фильме «Кин-Дза-Дза»). А продолжает тему не менее злободневный рассказ **Виктора Власова** «Дежурный у Вечного огня».

Надеюсь, читатель, ты понимаешь, что все, сказанное мной здесь, является моим личным мнением, которое сформировалось после прочтения мартовского номера. Журнал живой и вызывает такой же живой отклик в душе. Страшно подумать, какое множество стихов, рассказов, статей просто обязан прожить, пропустить через себя главный редактор, чтобы потом представить выбранный материал требовательным читателям и при этом не задеть ни одного автора отказом в публикации. Хочу присоединиться к благодарным откликам, процитированным в журнале, сказать спасибо редколлегии за кропотливый отбор произведений и работу с авторами, пожелать и в дальнейшем успехов, верных творческих союзников, еще большего общественного признания, а кроме этого – здоровья вам и вашим близким (представьте, пожалуйста, в этом месте смайлик с широкой искренней улыбкой!).

Моряк с озера Ханка

Владимир ГАМАНОВ

г. Владивосток.

Жизненный путь старинного моего друга и земляка Валерия Александровича Сусленкова настолько многообразен и извилист, что полно описать его – задача сложная.

Отец Валеры служил старшиной в войсковой части, дислоцированной в Камень-Рыболове, семья жила на территории военного городка в частном доме. Недалеко, метрах в двухстах, но за гарнизонным забором жила с родителями. Забор для нас тогда не существовало, поэтому контакт был полным. В нашей уличной ватаге Валера всегда оставался вожаком. Общим увлечением был футбол. Я стоял на воротах, а Валерик, конечно, капитанил центральным нападающим. Играли неплохо. Нами даже заинтересовались служивые ребята из спортивной роты. Валера и с ними был на короткой ноге.

Среднюю школу Саньч не закончил, после седьмого класса мы с ним расстались. Учёбу он продолжил в ремесленном училище, которое в ту пору находилось во Владивостоке вблизи площади Луговой и готовило морских специалистов рабочих профессий: РУ-6, кажется. По окончании училища получил профессию котельного машиниста-универсала, т.е. мог кидать в топку судового котла или твёрдое топливо (уголь), или регулировать горение факела от форсунки на жидком топливе.

Первым пароходом его стал пассажир «Азия». Потом – грузовик «Красногвардеец». И тот и другой работали на жидком топливе, поэтому кочегару не нужно было прилагать серьёзных физических усилий по обслуживанию котлов. На «Красногвардейце» Валеру застала повестка по призыву в Советскую Армию.

Уволившись в запас, Саньч вернулся в Дальневосточное морское пароходство на ледокол «Адмирал Лазарев». Судно работало на угольке. Валера получил хорошую закалку у девяти котлов котельного отделения. И без того не слабый физически, он накачал на штивке угля прекрасную фигуру. Ну чистый Апполон! В полярной навигации 1965 года ледокол получил пробойну днища и чуть не погиб. Экипаж и судно спасли, а Саньч перешёл работать на «Сибирь» – тоже ледокол, стоящий тогда в ремонте на Дальзаводе.

Выйти в море на «Сибири» ему не удалось. Друг по армейской службе переманил на китобойную базу «Алеут», где и закончилась морская эпопея Валерия Александровича. Но, прежде чем сойти на берег, пришлось изрядно «попахать» на морских просторах. Труд китобойцев очень напряжённый и специфичный. Китобойная база – это, по сути, плавучий завод по переработке очень крупных морских млекопитающих. Путину длиться 5–8 месяцев, а работа на базе, когда идёт промысел, не прерывается ни днем, ни ночью.

Напряжённые будни вносят свои коррективы в жизнь экипажа. Монотонная тягучесть работы и однообразие краткого отдыха требуют разрядки. Чего-то нового, неординарного. Конечно, забота о быте и моральном облике членов экипажа – прерогатива первого помощника капитана, который имеет и план, и некоторый инструментарий для развлечения утомлённых морем людей. Есть партийная и комсомольская организации, помощники помполита. Но экипаж не всегда расслабляется исключительно по плану работы помполита и партийно-комсомольского актива. Кто-то занимается спортом, кто-то запоем читает книги, кто-то смотрит все

судовые фильмы подряд, прокручивая плёнку в одном направлении, а когда надоест, то в обратном. Но были и такие, кто, тайно вытряхнув кислотно-щелочное содержимое из ОПМ (огнетушитель пенный морской) и хорошенько их промыв, заряжал туда смесь воды, сахара и дрожжей. Повешенный на штатное место, ОПМ ни у кого не вызывает подозрений, если регулярно стравливать в ёмкости давление. Огнетушитель прекращает «газовать» – значит, напиток поспел и готов к употреблению. Всё это, понятно, строжайшим образом запрещено. На судне действует суровый сухой закон, но запретный плод вдвойне сладок.

Группа подпольных «брагоделов» была немногочисленна и строго законспирирована. Вожаком, наверняка, был Валерик, хотя в рассказах он своё лидерство отрицал. Для закуски, да и просто для разнообразия пищевого рациона эти ребята приспособились вялить в котельном отделении вырезку из подсолённого мяса кита. Деликатес распробовали другие члены команды судна, и уже готовый продукт стал исчезать из сушилки. Видно, было лень готовить свою нарезку. Отвадить непрошенных визитёров решили оригинальным способом. Следующую вырезку сделали из члена кашалота. Когда продукт дошёл до кондиции и стал исчезать, членам экипажа, предполагаемым расхитителям, стали ненавязчиво задавать один вопрос: а как тебе нравится деликатес из полового органа кашалота? Эффект оказался стопроцентным: мясо перестало пропадать.

Браговарение тоже просуществовало недолго. Каким-то образом, разумеется, непреднамеренно ответственные смотрящие нарушили порядок регулировки давления в одном из заряженных брагой огнетушителей. Он рванул, залив коридор ароматной влагой. Такое происшествие скрыть от общественности невозможно. И от начальства – тоже. Все огнетушители подверглись срочному досмотру. Изготовление веселящего напитка по этой технологии прекратилось. Но имена авторов проекта остались тайной, как ни старались их вычислить: конспирация была на высоте.

Перечислять здесь все деяния неутомонного Саныча на борту легендарной китобойной базы – дело нереальное. Об этом нужно писать отдельную повесть. Сейчас я хотел лишь показать, как можно оживить однообразный утомительный процесс морской службы, если в тебе заложены незаурядные способности к проказам. Валерий Александрович был и остаётся большим проказником.

Китобойная одиссея Валеры закончилась неожиданно. Однажды в море его вызвал к себе капитан-директор базы и сообщил печальную весть – умер отец. Вернувшись из рейса, Валера рассчитался с китобоями и обосновался в родном селе уже навсегда.

Кем быть морскому кочегару на берегу – вопрос для викторины с аналогичным названием. Самое простое решение – пойти в местную кочегарку и продолжить штивать уголёк. Но это не для Валеры. Я уверен, что и в море, если бы он продолжил морскую службу, он не остался бы кочегаром. Энергетика этого, в ту пору молодого человека, зашкаливала.

Тяга к спорту привела его в Камень-Рыболовскую среднюю школу учителем физкультуры. Чтобы иметь право преподавать, он поступил на заочную форму обучения во Владивостокский физкультурный техникум. Учился, правда, не регулярно, но всё-таки закончил, и это ему здорово помогло в дальнейшем.

Работая в школе, Валера окончательно разобрался со всеми своими невестами и обрёл семейное счастье с Фридой Афанасьевной Литвинцевой, зубным врачом местной больницы. От этого брака появились два пацана, такие же разбойники, как их папа. Судьба старшего, Геннадия, трагична. Он погиб, а младший, Александр, слава Богу, жив, здоров, женат и успешен.

Школьная идиллия длилась недолго. Следующий жизненный зигзаг – ... корреспондент районной газеты «Приморские зори». Кажется, откуда бы это? Но никто из друзей неожиданной метаморфозе не удивился по очень простой причине – Валерий Александрович исключительно контактный человек. Завязать с кем-то знакомство, разговорить первого встречного, наобещать с три короба – это «как здрасьте». Обещания свои он не забывал, хотя на их выполнение времени частенько не хватало. Зато хватало на другое, что заставило поменять ещё несколько работ, пока он категорически не «завязал» и не утвердился в СПТУ руководителем физподготовки.

Проживая всю жизнь на берегах огромного, богатого до сих пор рыбой озера, нельзя было не заняться рыбалкой. И Саныч, как только окончательно ступил на родную землю, увлёкся добычей биоресурсов. Не так, как обычные рыбаки-любители: крючок, червячок, а основательно, профессионально.

Он никогда не был браконьером, хотя сеточку временами забрасывал. Основным источником рыбодобычи для него, а значит и для нас, его друзей, стали рыбаки Ханкайского рыбозавода. Он знал ВСЕХ рыбаков побережья озера от границы с Китаем до заказника на Лузановой сопке, да и егерей в заказнике тоже. Они, соответственно, знали его. Расчётная валюта в ту пору была одного вида – жидкого. Очень стабильная, не в пример нынешнему рублю. Да часто и эта валюта уходила на «обмывку» встречи, так что делёж улова проходил без интриги на абсолютно дружеской основе: бери, сколько нужно.

Я иногда принимал участие в «рыбалке», находясь на побывке у родителей. Рыбацким судном служила старая «Казанка» с подвесным «Вихрем». Поскольку по озеру проходит граница с Китаем, её охраняют морские пограничники, а каждое плавсредство должно иметь пропуск на выход в озеро. И вот как-то стояли мы на сетях у кого-то из рыбаков, договариваясь о нашем улове. Из камышей выскочил пограничный катер и направился прямо к нам. Проверка документов прошла благополучно, но Валера – почему-то шёпотом – просил меня не разворачивать лодку другим бортом к пограничникам. Выдержав паузу, пока катер не скрылся из виду, я спросил Саныча, в чём дело. Оказалось, на разных бортах лодки были написаны разные номера. Для разных проверяющих.

В другой раз, возвращаясь от рыбаков, мы прихватили с собой их бригадира Колю Усика. Не знаю почему, но друзья называли его «капитан Негоро». Рыбой он нас угостил, но не в том количестве, как хотел Валера. Себе же, отправляясь домой, набил полную сумку крупных карасей, что не ускользнуло от бдительного ока Саныча. На обратный путь он устроился рядом с Николаем, который богатство своё приладил под ноги. Я рулил на корме, а друзья, распевая песни, радовались жизни на носовой лавочке, подставляя разгорячённые лица встречному ветру, поскольку были в изрядном подпитии. Вдруг «Негоро» приподнялся и закричал: «Остановите корабль, я хочу...» Ну, понятно, пришло человека. Валера возразил: а слабо на ходу, ведь ты же капитан Негоро!? Это подействовало. Николай гордо уточнил, что он не Негоро, а капитан Себастьян Перейра, и встал в лодке в полный рост. Валера, придерживая его одной рукой от опрокидывания за борт, другой открыл сумку и стал выбрасывать мне карасей, которых я тут же прятал под банку рулевого.

Процесс благополучно завершился частичным изъятием излишков в переполненной сумке. Николая высадили возле дома (он жил на берегу Ханки рядом с рыбозаводом) и расстались. Придя домой, он понял, как его провели. При встрече с Санычем постоянно ему напоминал: давай я пойду пи-пи, а ты верни мне карасей.

Таких историй с Валерием Александровичем можно насобирать сколько угодно. Вспоминаю ещё одну, не на рыбалке, а на берегу, зимой под Рождество Христово. Была ночь. И сильная пурга. Что-то нам с Валериком не сиделось в тепле, нужно было колядовать и хотелось приключений. Путь наш лежал в квартиру его старшего брата Александра, прапорщика Вооружённых сил СССР. Почему на дороге нам встретилось здоровенное бревно, не знаю. Но идея у Валеры созрела сразу. Чего идти в гости с пустыми руками, давай возьмём брёвнышко и сделаем подарок на Новый год. Глядишь, в хозяйстве пригодится. Как мы затащили его на второй этаж пятиэтажки, сейчас не представляю. Но пока тащили, решили бревно в квартиру не заносить. Просто подпёрли им дверь и ушли. Наше счастье, что не попались братику на следующий день. Чтобы выйти из квартиры, он был вынужден через балкон пробраться к соседу, а оттуда на лестничную площадку. Но вытащить бревно целиком не смог, пришлось распилить его на части. Уже гораздо позже, когда Саша успокоился, мы пытались в беседе убедить его в нашей невинности. На что получили категорический ответ: да в деревне таких обормотов раз-два и обчёлся, и вычислять не надо. Пожалуй, он был прав.

Уголок пародиста

Геннадий ПЕТЕЛИН,
п. Ярославский.

* * *

*«Как неведомый странник, пришел в этот мир,
Как неведомый путник, покину его...
Я услышал стозвучье божественных лир,
И что я узнал? Да совсем ничего.*

*Как неведомый странник, я шел день за днем,
Как неведомый путник, присел отдохнуть...
Я душу настроил свою на прием.
И что же я понял? Что ошибочен путь.»*

Геннадий ГЕНЦЛЕР, г. Новосибирск
«Былина» №2, 2012 г.

Как неведомый странник, я шел день за днем,
И как путник присел отдохнуть я несмело.
Только душу настроил свою на прием,
Как приемник умолк – батарейка подсела.

Без него для меня мир совсем опустел,
Потерял я все ориентиры.
Звук божественных лир я так слышать хотел,
Но молчали «стозвучные» лиры.

Я в стихах изложил, что не тем путем шел,
Зря душевные силы потратил...
Их редактор прочтя, хватанул корвалол
И, зажмурив глаза, напечатал.

* * *

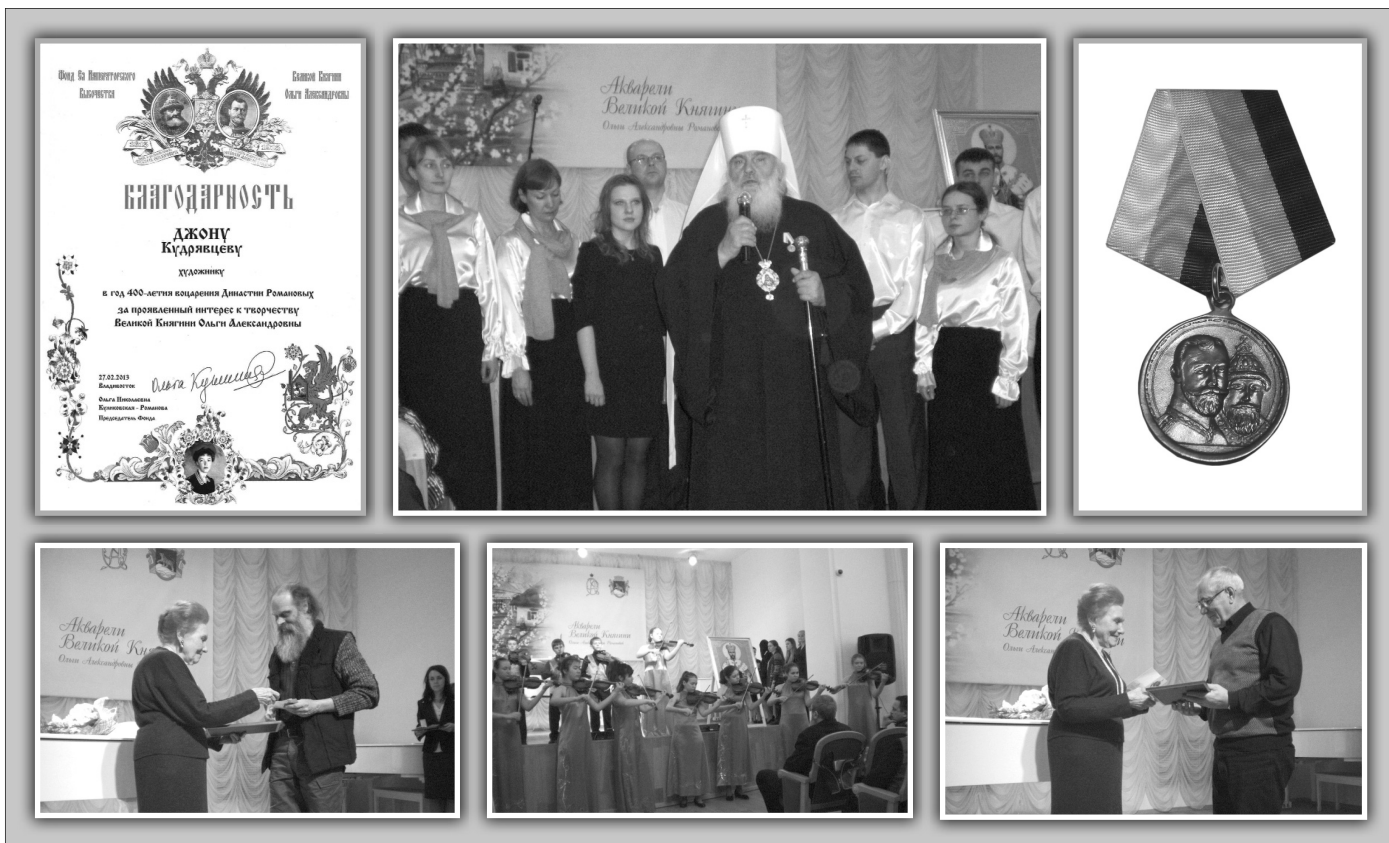
*«Я сижу в стороне
И смотрю на тебя.
Улыбаешься мне,
На другого глядя.»*

Владимир ЛЮКОВ, г. Москва
«Былина», № 6, 2012 г.

А мотивы просты:
Он красавец, видать, -
Не вольна взгляда ты
От него оторвать.

Как цыган на коня,
Как солдат «на губе»,
Он глядит на меня,
Улыбаясь тебе.

Не понять, почему,
Струны чуть теребя,
Улыбаясь ему,
Я гляжу на тебя.
Что сидим, не пойму,
Друг на друга глядя?
Подошел я к нему
и тряхнул за грудь.

В феврале во Владивостоке открытием выставки картин Великой Княгини Ольги Александровны Романовой в музее Арсеньева Россия вступила в год празднования 400-летия воцарения на российский престол династии Романовых. За время проведения выставку посетили около 15 тысяч человек, многие из которых оставили автографы со словами восхищения и благодарности в книге отзывов. Инициатором широкомасштабного всероссийского празднования является Благотворительный фонд имени Великой Княгини Ольги Александровны под председательством Ольги Николаевны Куликовской-Романовой. В небольшом отчёте перед приморцами Ольга Николаевна сообщила, что помимо встреч и бесед с посетителями выставки «выезжала в библиотеки, к волонтерам, встречалась с директорами школ, учащимися гимназии имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и других школ, курсантами Морского государственного университета, приморскими художниками, студентами Дальневосточной академии искусств и Владивостокского художественного училища, священниками и прихожанами владивостокских церквей, посетила многие памятные места Владивостока. С удовольствием посмотрела спектакль "Товарищ" краевого драматического театра о трудной жизни русских беженцев за границей после революции. По окончании представления выступила перед зрителями. Посетила замечательный городской офицерский бал в канун праздника Защитника Отечества».

В Детской школе искусств № 1 имени Сергея Прокофьева состоялся торжественный вечер, посвященный закрытию выставки и завершению визита в Приморье Ольги Николаевны Куликовской-Романовой. На этом общегородском празднике были отмечены

памятными знаками и благодарностями многие представители приморской митрополии и общественности: митрополит Владивостокский и Приморский Вениамин, епископ Уссурийский Иннокентий, глава Владивостока И.С. Пушкарев и его заместитель Е.Б. Щеголева, заслуженный артист России, директор Детской школы искусств № 1 им. С. Прокофьева С.И. Арбуз; врач рентгенолог Владивостокской поликлиники № 1 Л.П. Агапова; директор православной гимназии, протоиерей Игорь Талько; директор библиотеки № 6 им. Н.Н. Муравьева-Амурского А.М. Трунова; художник Евгений Кудрявцев; писатель, организатор Дней славянской письменности и культуры В.М. Тыцких; депутат городской Думы Ю.М. Корсаков; кинодокументалист О.Г. Гончаренко; сотрудник администрации В.В. Еременко, учитель школы № 48 г. Владивостока А.К. Цыганок, краевед Н.Г. Мизь, ансамбль скрипачей «Октава» (руководитель М. Бегункова, концертмейстер Е. Соболева); художник-иконописец Б. Цой и многие другие – всего более 50 человек. На наградном фондовском знаке изображены первый и последний Российские Государя из этой династии: Михаил Федорович Романов и святой царь-страстотерпец Николай II.

Начавшись на краю России во Владивостоке, юбилейные Романовские торжества продолжаются по всей стране.

Эльвира КОЧЕТКОВА,

г. Владивосток. Фото автора.

На фото: благодарность Д. Кудрявцеву, выступление митрополита Владивостокского и Приморского Вениамина, памятный знак в честь 400-летия династии Романовых, фрагмент торжественного вечера в ДШИ, награждение Д. Кудрявцева и В. Тыцких.

Перышко

Евгений ВАЛЬС

г. Омск.

В дальнем углу, на буфете, стоял букет из пестрых перьев фазана. Когда-то он украшал письменный стол, но со временем его заменили бронзовой статуэткой, и теперь вдалеке от света и восхищенных взглядов перья начали медленно покрываться пылью. Наверно, их век закончился бы медленным гниением, если бы однажды осенью не распахнулась форточка, и в нее не влетело белое легкое перышко. Оно вальсировало по комнате, словно исполняло балетную партию, завораживая своим незатейливым танцем.

– Ах, как оно прекрасно! – в один голос прошептали перья фазана.

– Оно наверно вылетело из крыла ангела! – восхищенно произнесло самое красивое перо на буфете.

Новый порыв осеннего ветра сильнее закружил белоснежного танцора и унес в глубь комнаты. Уныло вздохнув, пестрые братья сразу забыли о чудесном танце, но один из них дождался очередного порыва ветра и вырвался из букета. Его полет больше напоминал головокружительное падение, однако перо было довольно собой.

– Я найду его, я хочу быть с ним! Никого великолепнее мне видеть не доводилось!

– Это похоже на глупую мечту, посмотри реальности в глаза! – крикнули ему с буфета пестрые братья. – Ты никогда не будешь с ним, возвращайся к нам.

Вернуться в букет перо уже не могло, да и не хотело. Покинув запыленное убежище, оно уверенно отправилось на поиски белоснежного танцора.

– Ты так спешишь! – вдруг послышался чей-то дребезжащий голос.

Романтик остановился, увидев слегка выцветшую шляпу с маленькой вуалью и разноликой компанией собравшейся у нее на боку. Оттуда неприветливо сверкала брошь, а насупившийся бантик сжимал неопределенного рода бледные цветы.

– Может, изменишь направление и станешь моим? – спросила шляпа.

– Это вы мне? – не понял ее пестрый собеседник.

– А кому же! Мне для полного счастья не хватает только тебя!

Перо окинуло скептическим взором странную компанию старой шляпы и ответило:

– Мне жаль огорчать вас, но я не хочу быть одним из экспонатов вашей коллекции.

Дерзкий собеседник был весьма доволен собой и, отвергнув внезапное предложение, продолжил свой поиск. Образ изящного танцора, так легко кружащего в паре с ветром, увлек его вперед. Но едва романтик покинул общество шляпы, как услышал резкий голос чернильницы.

– Я давно за тобой наблюдаю и не могу отвести взгляд! – сказала она, хлопая серебряной крышечкой.

– Вы хотите сделать мне комплимент? – приостановилось перо.

– Более чем... – многозначительно произнесла чернильница. – Мой недавний спутник уже ни на что не годен. Мне нужно новое перо, такое как ты!

– Вы же меня совсем не знаете...

– Мне было достаточно лишь взглянуть на тебя! – убежденно заявила та. – Забирайся ко мне на стол, и мы составим чудесный дуэт!

– ...Мне нужно подумать, – внезапно смутился романтик от напора чужой уверенности.

– Это тот случай, когда раздумывать вредно, – не останавливалась новая поклонница, – тебя слегка заточить, чтобы было поострее, и тогда ты сможешь окунуться в глубину моих чернил и выписывать шедевры на...

– Вряд ли я сумею воплотить вашу фантазию, – прервало ее перо, – Не успели познакомиться, а вы уже намерены меня заточить! Я хочу быть принятым таким как есть...

Оставив чернильницу в растерянности, ее несостоявшийся избранник вернулся к поискам изящного танцора.

Форточка по-прежнему была распахнута, и неожиданные порывы ветра приближали романтика к месту, где ему мнилось чудесная встреча. Но каждый раз, когда ему казалось, что впереди мелькнуло что-то белоснежное – видение оборачивалось разочарованием.

Случайно или по велению судьбы на его пути появилась еще одна внезапная поклонница. Вглядываясь в темную даль комнаты, фазанье перо вдруг услышало трепет бархатных крылышек и томный голос.

– Скучаешь? – спросила порхающая вокруг него моль.

– А вы намерены меня чем-то развлечь?

– О, да! Ты так аппетитно выглядишь!

– Аппетитно? – насторожился романтик.

– Ты даже не представляешь, насколько! – окинула его хищническим взглядом моль. – Пойдем со мной, ведь мы идеально подходим друг другу...

– Я так не думаю! – заявило перо и отдалось на волю спасительному порыву ветра.

– Ты еще ко мне вернешься! – крикнула ему вслед рассерженная поклонница.

«Только вперед, подальше от ненужных встреч!» – романтик неслся во мраке неизвестности, ничуть не сожалея о том, что покинул своих пестрых братьев и отправился вслед за мимолетным видением.

Вдруг из ниоткуда перед ним возникло белоснежное перышко. Оно кружило в одиноком танце под никому не слышную мелодию на полупрозрачном пуанте.

– Я нашел тебя! – воскликнул в порыве нахлынувших чувств романтик, – я хочу быть с тобой!

– Ты хочешь быть со мной или хочешь быть мной? – пролетело над ним легкое перышко.

В темной комнате на миг все замерло, и ледяной поток пронзил пестрое перо, унося с собой то, что наполняло каждую его клеточку. Ответ пустотою разлился вокруг, и романтик медленно опустился на пол...

В очередной раз форточка распахнулась зимой, и ветер, облетев помещение, не всколыхнул лишь фазанье перо, забрызганное тушью, изрядно изъеденное молью и затерявшееся в нелепой компании на боку старой шляпы.

Сирийские боевики в ужасе от наших танков

В Сирии продолжается кровопролитная гражданская война. В боях все стороны конфликта активно используют оружие и технику российского производства, в том числе и наши танки. Они заслужили в Сирии отличные отзывы, в том числе и со стороны противников Б. Асада – бойцов Свободной сирийской армии (ССА). И это несмотря на критику отечественной бронетехники бывшими руководителями Министерства обороны.

В неофициальных разговорах полевые командиры ССА признаются, что российские танки Т-72, оснащенные динамической защитой, доставляют им массу неприятностей. Порой они просто не знают, как с ними бороться. Т-72 выдерживает многочисленные попадания из ручных противотанковых гранатометов (РПГ) и остаётся в рабочем состоянии. Более того, по имеющейся информации, недавно бойцы ССА были вынуждены подвергнуть специальным испытаниям захваченный у правительственной армии танк российского производства. Они обстреляли его из РПГ. После 13 попаданий танк остался полностью боеспособным: полученные им повреждения были не критичны. А в прошлом году один из командиров повстанческого отряда тоже жаловался на наши танки. По его словам, во время боя по российскому танку было сделано 15 выстрелов из РПГ, но он так и не был уничтожен.

На первый взгляд данная информация выглядит фантастично. Но, по словам полковника Генштаба в отставке, военного эксперта В. Мураховского, она соответствует действительности. К примеру, бывшему министру обороны А. Сердюкову в своё время был показан танк Т-72, получивший многочисленные повреждения в Чечне. Машина получила несколько попаданий из РПГ в разные части корпуса. Тем не менее она сохранила боеспособность. Этот танк до сих пор находится в Кубинке.

Как считает В. Мураховский, Т-72 – надёжный, устойчивый и, главное, простой танк. Это одна из лучших машин в своём поколении. К тому же у наших новых танков Т-90 уровень защиты ещё лучше – их встроенная динамическая защита способна успешно противостоять не только кумулятивным боеприпасам, но и подкалиберным снарядам. Эти данные получены не из воздуха. По указанию бывшего начальника Генштаба Н. Макарова были проведены испытания танка Т-90А. Машину взяли прямо с завода и подвергли обстрелу из различных противотанковых средств. Техника подтвердила все характеристики и даже превзошла их. В настоящее время Т-90А также находится в Кубинке.

По всему видно, что критика отечественных танков бывшим руководством Минобороны была вызвана только политическими причинами. Уничтожая репутацию отечественных производителей, горе-руководители армии пытались всего лишь выторговать у производителей уступки по ценам и прикрыть свои недоработки по выработке технических требований. К счастью, всё это в прошлом. Осенью на выставке в Нижнем Тагиле будет представлен новый российский танк следующего поколения – «Армата». Правда, скорее всего, только на закрытом показе и пока лишь в качестве демонстратора технологий.

По материалам сайта argumenti.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **один** раз.
 2. Отдельные произведения набираются на компьютере или печатаются на печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: полное имя автора (без отчества), его фамилия и наименование населённого пункта, в котором автор проживает (в произведениях, присланных в электронном виде, авторские данные указываются **один** раз). Отдельным документом прилагается биографическая справка.
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Текстовые файлы принимаются в формате **WORD**. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**).
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также рукописные работы, ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2013 ГОД (осуществляется круглый год)

	полгода	год
«Литературный меридиан»	370 руб.	570 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу для корреспонденции:

692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан».

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу. Дополнительных затрат подписавшийся **не несёт**.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77–33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: В.А. Костылев

Объём издания – 8 печатных листов.

Тираж 500 экз. (включая электронную версию)

Цена свободная.

Номер подписан в печать по графику и фактически 12 апреля 2013 г. в 17-00.

Адрес издателя и редакции:

г. Арсеньев, ул. Островского, 8/1-20.

Отпечатано в ЗАО «Полицентр»:

г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.

Дата выхода номера в свет – 19 апреля.

16+

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан»,
Кóстылеву Владимиру Александровичу.

Тел. (+7) 914-666-1-999 (МТС); (+7) 924-336-21-27 (Мегафон) (с 01.00 до 15.00 по Москве)

E-mail: **Lm-red@mail.ru** Наш сайт: **www.Litmeridian.ru**

Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТОВ, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ,
И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.**

Редакция «Литературного меридиана» проводит курс на расширение творческих связей
с литературными изданиями Российской Федерации:

«Сихотэ-Алинь» (г. Владивосток), «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), интернет-журналом «Молоко».

Мама и сын. Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток.

Внимание! Подписка продолжается!

Стоимость полугодовой подписки составляет 370 рублей, годовой – 570 рублей. Указанная сумма отправляется почтовым переводом по адресу для корреспонденции:

692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция журнала «Литературный меридиан»,
Костылеву Владимиру Александровичу

Справки по E-mail: Lm-red@mail.ru
или по телефону: 8-914-666-1-999

Река Уссури. Фото Василины ОРЛОВОЙ, г. Москва.

